

СЕРГЕЙ БАЙБАКОВ

КУРГАН 4
ВОИНЫ БЕЛОВОДЬЯ

Сергей Байбаков

Курган 4. Воины Беловодья

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Байбаков С. Г.

Курган 4. Воины Беловодья / С. Г. Байбаков — «ЛитРес:
Самиздат», 2018

Прошло несколько месяцев с той поры, как маленький княжич прошел в скрытую за колдовским туманом неведомую землю. Волхв, русалки и Кирилл решили разыскать его. Но оказалось, что за туманом их подстерегает неведомая опасность...

Содержание

ГЛАВА 1. О странной старухе, о хвором лесу, о чудесах – коими он полон, и о тварях, населяющих его.	5
ГЛАВА 2. Хозяйка лесного озера	19
ГЛАВА 3. О хозяйке потаенной страны	31
ГЛАВА 4. О найденных в Древней Башне черных листах	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

ГЛАВА 1. О странной старухе, о хвором лесу, о чудесах – коими он полон, и о тварях, населяющих его.

Отъехав на края поляны, подальше от полусгнившего сруба, венды остановились и еще раз глянули на чудную могилу. О том, что так хоронят ушедших, они и слыхом не слыхивали.

– Я знаю, что некоторые народы своих покойников на деревьях подвешивают. Или на помосты кладут, их тоже на деревьях делают... – морща лоб вспоминал Любомысл. – Сжигают не везде. В иных странах в горах оставляют, чтобы птицы склевали. Тогда душа быстрее на небо попадает. Но про такие домовины я не слышал...

– А теперь услышишь... – раздался из ближних кустов старческий шипящий голос.

От неожиданности венды вздрогнули. Ведь вокруг поляны только что никого не было! Они в этом твердо уверены! Они же охотники! Лесная мышь в норке запищит – и то сразу узнают, под каким деревом у нее жилье! А тут... Кто смог так тихо подкрасться!..

Прозор и Борко выхватили мечи. Милован спешно тащил из налучья лук, а тот будто прилип и никак не хотел вылезать!

Лишь Любомысл и княжич ничего не успели сделать. Они даже не шевельнулись и сидели в седлах как истуканы. Им не хватало проворства, которым обладали те, кто родился и всю жизнь провел в лесу. Проворства – которое в крови их спутников!

Венды были ошарашены невесть откуда раздавшимся голосом...

Скрипучий старческий голос внес в их сердца сумятицу и заставил вздрогнуть даже предводителя – бесстрашного дружинника Прозора. Да это и понятно: тяжелые и страшные события последних суток отразились и на нем, не говоря уж о молодых дружинниках Борко и Миловане, и, тем более, о старике Любомысле и маленьком княжиче Добромиле.

Они оказались в неведомом мире, за туманом, именуемым Радужный Путь; спустились с горы в лес, деревья которого сплошь и рядом покрыты серым, будто пыль налетом; чудом избежали встречи со страшными ящерами, коими предводительствовали колдуны в черных балахонах и тут на тебе!

Приключения не заканчивались. Только отъехали от диковинной могилы – рассыпавшегося маленького сруба, стоящего на большом пне – как из кустов раздался этот неожиданный страшноватый голос.

Кто смог подкрасться к ним так близко и остаться незамеченным? Не иначе как тут скрывается какое-то колдовство! Ведь в лесу – пусть он даже такой хворый как этот, что окружает их сейчас, – им нет равных!

Они охотники, и загодя чувят, какими тропками будет красться любой зверь. А уж о людях и говорить нечего – они ходят по лесу шумно! Но сейчас, перед тем как их окликнул этот скрипучий голос, они не слышали даже шороха.

Прозор даже был уверен, что округ поляны со срубом не шелохнулась ни одна веточка, не пригнулась ни одна травинка.

А вот гляди ж ты! Кто-то сумел к ним подкрасться и внезапно себя объявить.

– Вы бы свои мечи опустили-то, добры молодцы, – снова прозвучал все тот же скрипучий старческий голос. – Да и ты, отважный, с луком-то своим не шибко балуй! А то выскочит невзначай из налучи, не удержишь и зашибешь старую ненароком.

Это говорилось Миловану. Молодец все тянул из чехла лук, а тот застрял, словно сросся с ним! Борко здоровой рукой пытался выдернуть меч, но тот никак не хотел вылезать из ножен, твердая кожа словно прилипла к булатной стали.

А у всегда сильного и ловкого Прозора будто бы застыли все мышцы. Каждое движение богатыря стало вязким и медленным, да вдобавок давалось с трудом.

«Точно! Морок наслала! – мелькнуло в голове предводителя. – Не иначе колдунья!»

Лишь княжич Добромил и старый мореход Любомысл могли спокойно двигать руками. Они не успели сообразить что случилось, и оружие не трогали, так как никакой беды они не чуяли: слишком уж внезапно все произошло.

И вот из-за ближнего куста на поляну вышла – да нет, не вышла, а выползла! – древняя старуха.

Сгорбленная чуть ли не вполовину, она при каждом шаге с трудом приподнимала кривую сучковатую клюку. Бросит ее конец в траву, обопрется тяжело и сделает шаг. Потом с усилием поднимет, казалось легкую деревяную, переставит клюку чуть дальше и снова мелкий шагок.

«Будто улитка, право слово! – У Любомысла защемило сердце. – Неужто и я таким стану?»

Как старуха смогла незаметно подкрасться к вендским охотникам, Любомысл не понимал. Скорее бабка все это время стояла за кустами, поджидая их. Это вернее.

Старуха была облачена в длинный и грубый дерюжный сарафан. При каждом движении бряцали густо усеявшие ее одежду обереги. Постукивали друг о друга высохшие косточки каких-то зверушек и диковинно вырезанные маленькие деревяшки – ими обшит подол сарафана.

Из-под замызганного холщевых платка выбивались неровные пряди седых косм. Старуха сделала еще несколько мелких шажков и остановилась. Блеклые, вылинявшие глаза на высохшем, темном как печеное яблоко лице, испытующе смотрели на ошалевших дружинников.

Первым опомнился Любомысл. Старый мореход видел всего лишь старуху, а не бесплотного духа с насквозь проржавевшим голосом.

Правда княжеского наставника смущала то, что среди берегов, коими увешана старуха, он не увидел серебряных. И все они неведомы Любомыслу: диковинные, хитро изогнутые, сотворенные непонятно от чего и – как догадался старик – сделанные в незапамятные времена.

Но это ни о чем не говорит: может, эти обереги не положено делать серебряными. И опять же – нечистым духам защита не нужна. Нежить – она сама себя оберегает! А эта чудная старуха, вон, – даже тень отбрасывает. Нечистой силе такое недоступно, как она не старайся. Да и не будет нечисть среди бела дня при яснолицом Хорсе вот так свободно по лесу разгуливать.

Что же, вроде ничего дурного в этой неожиданно объявившейся бабке не видно.

– Здравствуй, бабушка! – Любомысл учтиво склонил голову. Старый мореход соскочил на землю и сделал навстречу старухе несколько шагов. Старость надо уважать. Тем более, они попали в незнакомый мир и наверняка эта пожилая женщина сможет подсказать, разъяснить, где они находятся, и как ловчее отсюда выбраться.

– И ты здравствуй, добрый молодец, – раздался в ответ приветливый и уже не такой скрипучий голос.

Старуха улыбнулась. Улыбка у нее вышла добрая. Ничего пугающего, несмотря на изрезанное морщинами лицо и диковинный облик неведомой лесной обитательницы, венды в ней не увидели. Глаза бабки сверкнули неожиданно голубым, ясным как весеннее небо цветом.

У очухавшихся от неожиданности молодец губы поехали к ушам. Надо же, деда Любомысла добрым молодцем нарекли! Вот уж они поподтрунивают над ним всласть! Потом, конечно. Не сейчас и не здесь.

Поначалу надо поприветствовать старуху. Они-то тут пришлые, вроде бы как в гостях. А бабушка видимо давно в этом лесу живет. Вон, лукошко, что на землю поставила, наполовину полное. В нем и спелые ягоды, да и грибы знакомые. Такая благодать и у них, в родных лесах, водятся. Значит, знает, где в этой хворой изуродованной чаще грибные да ягодные места есть.

И, о чудо! Как только они заулыбались, как только исчез первоначальный испуг, так сразу же как в воду канула непонятная, сковывающая тело сила. У Борко меч шелестнул в ножнах, Милован почувствовал, что лук из налучи он снова может выхватить быстро и без помех. Но молодцы уже поняли, что обнажать оружие им ни к чему.

Прозор, смущенно улыбаясь, вогнал в ножны свой меч. Уже ничто не мешало это сделать без помех: сила и ловкость вернулись так же внезапно, как и исчезли. Ушла сковывающая тело тяжесть.

Богатырь досадовал. На себя, ясно дело. Надо же, оплошал! Чуть было на женщину оружием не замахнулся! Боязлив больно стал. Как говаривает Любомысл – у страха глаза как плоски, а не видят не крошки. Да станешь тут пугливым, за последнее-то время!

– Здравствуй, бабушка! – прогудел богатырь. – Поздорову ли живешь-здравствуешь! Прости, что за меч схватился. Да молодецв моих извини. Неразумны они, увидели, что я обеспокоился, да вслед за мной за оружием и потянулись. Прости нас! Откуда ты, бабушка?

– И тебе поздорову, добрый молодец! – улыбнулась старуха, а потом, казалось, удивилась: – Как откуда? Из лесу я вышла. Аль по мне не видно?

– Видно, видно! – засмеялся Прозор. – Вон вижу, что лукошко твое лесных даров полно. Я потому спросил, что подкралась ты так же тихо и незаметно, как лисонька, когда мышь скрадывает.

– Ну уж – лисонька! Скажешь тоже! А я и не подкрадывалась, – ехидно усмехнулась диковинная бабка. – Я вас давно слышала. Потом увидела. Больно сильно топаете! На весь лес вас слышно! А в нем нельзя так шуметь. Что вы своими ножищами, что жеребцы ваши копытами грохот подняли. Различья меж вами нет. Да еще и разговор промеж себя ведете, чуть ли не в крик. А они далеко разносятся, людские-то речи. Горласты больно и самоуверенны, охотнички... – старуха пренебрежительно махнула рукой. – Сами знаете, в лесу надо себя блюсти, тихонько жить. Тогда батюшка-лес примет вас, родным станет. Вот услышала я вас, затем увидела. Решила, что этим путем пойдете. Вот тут вас и поджидала – на краю полянки-то. И еще неизвестно, кто откуда пришел: я-то знаю, откуда я. А вот вы?

Старуха замолчала, оглядывая вендов лучистыми синими глазами.

Прозору оставалось лишь густо багроветь и качая головой смущенно побряхтывать. Ведь говорил же увальням: тише надо идти! Все разговоры на потом отложить! Так разве молодым эту непреложную истину втолкуешь? Они ведь что: они думают, что раз от одной опасности ушли, так другая впереди не ждет? Ан нет! Так не бывает! Нельзя так! Прозор погода займется их воспитанием: краснеть будут почище, чем он сейчас!

А ведь почти убедили его, что опасности нет. Вон, какие словеса плели: «Да день же ясный, Прозор! Ну сам посуди: ни души кругом. Ящеры ушли на гору. В лесу бродить некому, тихо округ. А мы сами кого хошь первыми учуем: хоть зверя, хоть человека. Учуем, да в засаде подождем...»

Вот и учуяли. Стыд-то какой. Да и сам виноват: он предводитель и не должен к речам молодецв прислушиваться. Прозор корил себя на чем свет. Богатырь явственно чувствовал, что от его щек сейчас хоть лучину запаливай.

– А что это за место? Как лес называется, бабушка? – спросил Любомысл.

Старуха пожала плечами. Чего, мол, спрашивать? Лес – он и есть лес. Но в глазах ее мелькнул лукавый огонек.

«Ох, не проста ты, мать, ох не проста! – мысленно ухмыльнулся Любомысл, увидев, как на миг переменялись ее глаза».

А старуха помолчала, пожевала губами, и вроде как нехотя добавила:

– Не знаю, милый. Не знаю... Нет у этого места названия. Просто лес.

– А тогда что ж это за земля-то такая? – не унимался Любомысл. – Какие страны поблизости есть? Моря? Мы, вишь ли, не отсюда. Случайно в эту сторону забрели. Не по своей воле. Вот и хотим знать: где оказались, в какой земле, в каком государстве находимся.

– А вы нигде не находитесь, – едко усмехнулась старуха и загадочно покачала головой. Ее слова обескуражили вендов. Такого ответа они не ожидали.

– Как это – нигде? – воскликнул Прозор. – Вот же, лес кругом! Не такой как в нашей земле, но лес! Деревья, трава... Звери бегают, хоть и диковинные! Птицы...

Старуха усмехнулась, снова пожевала губами, видимо размышляя, что ответить. Но ничего не сказала и, подняв лицо, с прищуром посмотрела на солнце. Светило уже низко висело над верхушками деревьев. Время в этом лесу странным образом пролетело быстро, и незаметно для вендов подкрадывался вечер.

– А ты тоже силы ищешь? А к чему она тебе, ты ведь и так ей обладаешь! – Старуха, пристально глядя в глаза Любомыслу, сказала неожиданные, странные, совсем не к месту слова.

Старый мореход недоуменно захлопал глазами и приподнял седые брови.

– Какой силы, бабушка? Чем я обладаю?

Старуха промолчала, но продолжала окидывать Любомысла упорным, испытующим взглядом. Потом, видимо что-то для себя решив, тихонько пробурчала: – Нет, непохож... Уж больно добр. Не за этим сюда пожаловал. За другим пришел. Или привели...

Пожав плечами, и ничего не поняв, Любомысл глянул на Прозора. Стоит ли говорить диковинной бабке, что ночевать им негде? Что там голову приткнут, где удобней. Дело уже к ночи, и когда они еще до озера, что посередь зеленого пятна сверкало, доберутся!

Богатырь отрицательно мотнул головой: «Не говори...»

– Вижу, что негде вам головушки преклонить. – Тонкие губы старухи раздвинулись в улыбке. – Туда, куда вы путь держите, далеко идти. Ох, как далеко! Другим вовек не добраться! Ну, у вас, может, и получится, – загадочно добавила бабка. – Получится, вы упрямые. Да душой не попорчены. Доберетесь. Вижу, кони ваши не поены. Притомились. Вы их жалеете, не место им тут, чтоб знали. Вот что! – Старуха возвысила голос, видимо что-то твердо решив. – Идите-ка вы, милые, туда, куда наметили. К зеленому лесу, к озеру. До темноты поспеете, я вам путь короткий укажу. Должны поспеть, а иначе... – старуха не договорила, махнув рукой. – Ладно, загадывать не будем. Идите к озеру, я у него обитаю, там и жилье мое. Там коней напоите, там и разговор у нас иной сложится. Путь вам, во-он по той тропе, что меж тех деревьев начинается. – Старуха указала совсем в другую сторону, не туда, где по мысли Прозора и Любомысла находилось лесное озеро. – По этой тропке скорей дойдете, а иначе заплутаете и во тьме сгинете. По тропке езжайте молодцы, не сворачивайте!

Прозор глянул на противоположенный край поляны, куда указывала старуха. В самом деле, среди изломанных покрытых пыльным налетом деревьев возвышалась два здоровых: прямых и ветвистых. Он мог поклясться чем угодно, что совсем недавно эти деревья там не росли.

Богатырь раскрыл было рот, но бабка опередила. Она повернулась к Любомыслу и вновь задала непонятный и неожиданный вопрос.

– Значит, не за силой сюда пожаловал? Ну-ну...

– Не пойму я, бабушка, о чем ты толкуешь? – не переставал удивляться Любомысл.

– Ладно, – махнула рукой старуха. – Потом поймешь. Столкнемся. Еще одну вещь знайте: воды в этом лесу нигде нет, а если и увидите – то не пейте и коней не поите! Не годна эта лесная водица для жизни. Поспешайте... – бабка снова махнула рукой на два здоровых дерева. – Я вас у озера жду. Только болота берегитесь. Осторожней там. Мерзость всякая водится.

– Постой, бабушка! – спохватился Прозор. – У озера место открытое. А на нас какие-то люди охотятся, на ящерах разъезжают. Тучу наслали, градом побить хотели...

– И с ними еще десяток пеших. Все они в балахонах и безликие. Будто под одеждой ничего нету. На гору пошли, – добавил Любомысл. – Сверху увидят, что мы у озера. Оно ведь с горы как на ладони видно. Увидят!

– На ящерах? – усмехнулась старуха. – А вы их не бойтесь, милки. Они в тот чистый лес не сунутся, не дано им этого. Не могут они этого, да и не видят его. Пока не видят... Им не все доступно. Ладно! Недосуг мне с вами лясы точить. Дела у меня еще есть, да много их, дел-то! Времени нет, да и вам поспешать надобно.

Произнеся эти слова, старуха приветливо улыбнулась. Венды почуяли, будто вечерняя заря их вдруг озарила и теплом обдала. Эх, не со злом эта бабушка к ним подошла. Не со злом!

– Вам туда! – старуха вновь махнула рукой. – На тропку! Иного пути к озеру нет. По тропке пойдете и по пути сами разберетесь – что к чему. Вижу следопыты вы изрядные. Разберетесь...

С этим словами старуха как-то незаметно подошла к кустам, из-за которых недавно так внезапно появилась, и... И исчезла! Будто растворилась в них. Даже ни одна веточка не шелестнула!

В этот раз, когда она шла, не было слышно ни побрякивания оберегов, ни шелеста травы под ногами. Старуха ступала так, будто и не тянулся за ней груз годов. По земле – будто лебедь по воде плыла.

Прозор соскочил на землю, бросился за ней вслед, видимо намереваясь еще что-то уяснить. Да куда там! За кустарником богатырь уже никого не увидел. Диковинной старухи след простыл. Не увидел он ее тени ни за ближними, ни за дальними деревьями.

Ему только и оставалось, что только досадливо крикнуть: «Надо ж как! Я ведь охотник не из последних! Куда ж она делась!»

Старуха исчезла.

Предводитель вернулся. Ему только и оставалось, что беспомощно развести руками. Прозор оглядел спутников. Лица их стали серьезны: на губах молодцев нет обычной смешливости, серые глаза княжича потемнели. Добромил, хоть и не проронил ни слова во время беседы, но слушал напряженно. Голос этой бабушки показался ему смутно знакомым. Княжич мог бы поклясться, что он его где-то слышал.

– Ну что, Прозор? – спросил Любомысл. – Едем тем путем, что нам бабушка указала? Как поступим? – Старик задумчиво покачивал седой головой: – И откуда она узнала, что мы к озеру путь держим? Есть у тебя к ней вера? А? Я отчего-то верю.

– Едем! – вместо Прозора отозвался Добромил. – Ей верю, знайте! И вы верьте!

– Ну что ж, в путь! – кивнул Прозор. – Коней поить нечем, да и у нас воды в обрез. И после бабушкиных слов мне что-то расхотелось в этом лесу ночевать. Хоть она и диковинная, старушка эта, но и у меня к ее словам вера есть. Верю и надеюсь, что ящеры и эти, погонщики в балахонах, по нашему следу не пойдут и в зеленый лес не сунутся!

Любомысл пожал плечами. Хорошо, коли бы так было. Устами Прозора – да меда пить! Старик оглядел спутников: у молодцев лица кислые и в глазах недоверие плещется.

– Ох-хо-хо... – вздохнул Любомысл. – Вижу, какие мысли у вас бродят. О бабушке этой думаете. Пора бы понимать: старость – она никого не красит. Годы, что отмерили боги для быстротечной людской жизни – они как летний дождик. Прокапал он, чуть прибил землю, напоил растения и вот будто не было его вовсе – земля снова сухая. Так же и жизнь: подходит к концу незаметно – будто и не жил вовсе. И вы такими когда-нибудь станете, это я вам обещаю.

– Да мы ничего... – зарделся Борко. – Верно, Милован? Просто неожиданно все получилось. Опешили мы. И оберегов таких, как на этой бабушке, я не видел.

– Обереги разные бывают, – нравоучительно заметил Прозор. – Помогают ей – и ладно! А косточки ли, щепочки – это неважно.

– Эх, сгинули наши мечты ручеек найти, да у него заночевать, – вздохнул Милован.

– Устал, что ли? – удивился Прозор. – Вишь, вон как все повернулось: думали, в лесу скрытно идем, никто нас не видит да не слышит! Оказалось, нет! Гремим в нем, как иноземная пьянь по виннетским причалам. Отныне – молчок! Если уж эта старушка нас ущучила, так те, другие, и подавно нас найдут. Еще раз повторю – я ей верю! Раз говорит, что вода в округе для питья непригодна, значит, так оно и есть. Враг предупредить бы не стал. Хорошо, что хоть какой-никакой запас воды имеется. Ладно, мы-то перетерпим, а вот кони...

– Поехали! – Любомысл махнул рукой.

Прозор тронул повод и направил жеребца к двум стройным деревьям на краю поляны.

Любомысла снедало любопытство: про какую такую силу пытала его неожиданная гостья? Причем спрашивала аж два раза и говорили какими-то загадками.

Впрочем, ничего скверного старый опытный мореход пока не углядывал. Не раз предостерегавшее его во время странствий по морям и дальним землям предчувствие беды молчало. Тем более, к чистому озеру посередь зеленого леса, они решили ехать еще утром, как только узрели его с вершины горы. И податься все равно некуда: на горе ящеры и колдуны их дожидаются. А у озера место чистое, и воды там вдосталь, не то что тут. Кругом сплошной серый налет, плесень и изломанные деревья. У озера хотя бы без опаски заночевать можно, раз колдунам с горы оно не видно. Да и старуха сказала, что у нее жильё есть.

Любомысл усмехнулся про себя: неизвестно, какое еще там жильё. Может, такая же изба, что на краю поляны стоит. А в ней неупокоенные кости.

Старик отогнал глупые мысли. Потом. А сейчас жеребец Прозора ступил на тропку, что начиналась меж двух здоровых деревьев.

Путь до зеленого пятна оказался не таким скорым, как казалось поначалу, с вершины горы.

Узкая тропа, схожая со звериной, петляла, уводила далеко в сторону. Путь часто преграждали высокие завалы и труднопроходимые не только для коней, но и для людей места.

Коням доводилось особенно тяжело в этом – то ли лесу, то ли... Название тому, что окружало вендов, подобрать трудно.

Прозор мысленно прозвал эти места лесной топью. А по-иному и не наречешь!

Вендов окружали причудливо изломанные, усыпанные коричневой, пузырящейся, дурно пахнущей плесенью стволы деревьев. С ветвей свисали желтые полупрозрачные грибы. Около них кишмя кишели омерзительные личинки неведомо каких насекомых. Они пожирали рыхлую плоть грибов. Насытившиеся же собирались в толстые кисти, и кисти эти подрагивали на стволах и мерно сползали вниз, к корням, и там зарывались в мокрую почву.

Прозор молчаливо кивнул на такую гроздь: «Мол, берегитесь, парни! Неведомо, какую беду эти маленькие твари несут».

– Верно, Прозор... – тихонечко отозвался Любомысл. – В других землях такие жучки обитают, что если человек невзначай их только коснется, так сразу же напрямик в царство Мораны уходит. Порой букашки ядовитей иных змей бывают!

Молодцы серьезно и напряженно оглядывались по сторонам и попутно смотрели, не крадется ли какая беда к Добромилу. Борко держал руку на черене меча. Милован вытащил лук. Но никаких подозрительных движений они не видели. Казалось, звери в этом месте не живут, а растет лишь всякая гадость.

Изредка вендам встречались испещренные пятнами, будто змеиная кожа, высокие стебли. Их покрывали лиловатые чешуйки. Казалось, стебли покачиваются и тянутся к всадникам.

Увидев первое такое растение, Прозор поднял руку – мол, стойте – и соскочил на землю. Предводитель пригляделся.

Ближний стебель сразу же немного склонился и потянулся к его ногам, будто хотел ухватить. На конце его богатырь увидел маленький венчик. Венчик этот раскрылся темным зевом, послышалось тихое шипенье.

Недолго думая, Прозор рубанул стебель под самое основание. Рубанул и отпрянул. Корень, что остался в земле, прыснул в воздух тонкой струйкой багровой – схожей с кровью – жидкостью. От нее исходил густой трупный запах.

Прозор поморщился, тщательно вытер нож о жесткую траву, вскочил в седло.

– Лучше тут ничего не касаться, ребята, – мрачно заметил он. – Первый раз вижу, чтоб растение шевелилось. И растение ли это? Что думаешь, Любомысл?

– Не знаю... Думаю, они сродни тем мухоловкам, что на наших болотах водятся. Тоже вроде растения, а шевелятся.

– Кого ж эти твари тут ловят? – недоуменно прошептал княжичи. – Мух-то тут я еще не видел.

– Кого-нибудь ловят, мальчик, – задумчиво произнес Прозор. – И хорошо, если только мух. Уж больно сильно падалью от них смердит...

Кусты вдоль тропки казались сплетенными в дикие клубки и щетинились острейшими зазубренными шипами. Если какой-нибудь жеребец ненароком задевал ветку такого куста, то вздрагивал: уколы оказались болезненными даже для толстой конской шкуры.

Несколько раз, в особо труднопроходимых местах, венды спешивались и шли ведя коней на поводу.

Вскоре путники уперлись в большое болото. Тропка обрывалась прямо перед топью. Сквозь темно-бурые кочки мха проступала мутная вода. Жижа чавкала под копытами, кони косились на булькающие в воде вонючие болотные пузыри и испуганно пряли ушами, когда особо большой пузырь с шумом лопался. Эти места им крайне не нравились.

Прозор окинул взглядом топь.

– Не полезем через него. Кто знает, что там кроется? Уж очень это место ненадежным кажется. Пути через него мы не знаем. Все равно гати тут нет – ни прямой, ни кривой. Еще какой болотник на дно утащит! Возвращаемся, пообедем. Видимо это та топь, о которой старушка предупреждала. Говорила, что у него какие-то опасные твари водятся. Будьте наготове, други.

Болото объезжали долго и поэтому получился немалый крюк. Прозор вглядывался в землю, озирался на противоположенный берег. Предводитель прикидывал, в каком месте они выехали к топи, и где оборвалась тропа.

В самом деле, скоро он увидел, как узенькая тропинка выходила прямоком из бурой воды. Поехали по ней дальше. Никаких опасных тварей у болота – и в нем – венды так пока и не увидели.

И вот тропка пошла недалеко от большого каменного обломка, даже не обломка, а целой скалы. Камень походил на пень, у которого ровно срезана вершина. По кругу лежали камни поменьше. Казалось, они обвивают пень-камень змеей.

Каким образом камни очутились в лесу, и кто их выложил такой ровной спиралью, осталось загадкой. Ведь по пути венды не видели ни единого валуна, не говоря уже о таком великане со срубленной верхушкой.

Прозору почудилось, что от этого камня исходит угроза и злоба. Когда обогнули каменный обломок, послышался глухой тихий звук. Он шел прямоком от ровной верхушки.

Однообразный шум усилился. В нем слышалось потрескивание и будто далекие редкие удары в большой колокол. И вдруг края камня подернулись рябью. А потом... Потом он исчез. На месте скалы заколыхалось тусклое марево. Оно поколыхалось, рассеялось неторопливо, и перед пораженными вендами открылся кусок иного, непонятого и незнакомого мира.

Дружинники не сразу осознали, что видят. А потом понемногу до них стало доходить...

Перед вендами открылась часть бескрайнего леса. Вдали росли такие же сосны, как и в их лесу, такие же высокие лиственницы и ели.

Но они росли далеко, на краю небосвода. А перед ними огромная часть леса оказалась безжалостно вырублена.

Везде – насколько хватало глаз – в беспорядке валялись стволы поверженных лесных исполинов. Они вели битву и не устояли: силы оказались неравны, и враг оказался силен и коварен.

Меж поверженных деревьев сновали диковинные – вроде бы сделанные из железа – подернутые ржой повозки. Они неуклюже переваливались на больших жирных черных колесах. Повозки бездумно тарасили остекленевшие глаза.

Ржавые диковины пытели, трещали и иногда выбрасывали в воздух хлопья черного дыма. В носы дружинников ударил удушающий смрад.

Некоторые из повозок пусты. На других ровными рядами лежали убитые и распиленные деревья. От всего этого гнусного непотребства и исходил тот однообразный шум.

А невдалеке от дружинников, среди поверженных стволов, стоял виновник этой бойни.

Тулово его обряжено в невиданный вендами наряд: на ногах блестящие коричневые башмаки и нависающие на них серые порты. Сверху схожая с кафтаном рубаха в цвет портов. Из-под нее виднелся кусок белой, исподней. Ее высокий ворот стянут широкой, завязанной хитрым узлом цветастой лентой.

Лицо душегуба бесстрастно, глаз не видно. Вместо них равнодушные щели с бусинками зрачков. Толстые щеки нависали над воротом. В руках изверг держал тонкую книжицу и что-то высматривал в ней.

По черным жестким волосам и желтому цвету кожи Любомысл понял, что он из тех племен, что живут далеко на востоке. Да и Прозор с молодцами видели таких людей – купцов на виннетском торгу. Они, как правило, торговали пряностями и шелками.

И вот один из них воевал с лесом. Пришлый его грабил, уничтожал... Лес просил защиты.

Прозор почувствовал, как в нем закипает глухое бешенство, недостойное воина и охотника. Голова всегда должна оставаться ясной! Но поделаться с собой богатырь ничего не мог: рука потянулась с засапожному ножу – об эту тварь он поганить меч не будет!

И убьет он его так, как вестфолдинги убивают ненужных более рабов: одним махом вырежет из его жирного брюха всю требуху! И душегуб судорожно будет сучить по Матери-Земле короткими ножками, пытаясь впихнуть взад осклизлые лиловые кишки! Умирать ему придется долго и мучительно. Не стоило ему обижать лес!

Но поганому повезло. Как только Прозор привстал в стремях и изготовился в один прыжок очутиться перед врагом леса, так наваждение исчезло. Будто и не было его вовсе! Лишь постепенно стихал гул чадящих повозок. А в воздухе все еще висел запах мерзкой гари. Окно в незнакомый мир захлопнулось. Перед вендами вновь стояла обрубленная скала.

«Морок! – сплюнул Прозор. – Надо же, ведь видел, что это только скала и ничего больше! Надо же!»

Он задумчиво покачал головой. Злоба на поганого ушла и Прозора одолевал тихий стыд: не осмыслив происходящего, сам чуть было не ринулся неведомо куда! Ведь сразу надо понимать: морок это, наваждение, что от колдовского камня исходит! В том мире над поваленными стволами день только занимался, там утро раннее стоит! По дальней заре видно! А сейчас вечер подходит, над хворым лесом сумерки опускаются.

«Эх! Сколько ж миров-то вокруг! А ведь скрыты...»

Прозор серьезно взглянул на спутников. Лица у них ошарашенные, недоуменные. Молчат, переглядываются.

Рассуждать об очередном наваждении не хотелось, да и времени оставалось мало: хворый лес стремительно окутывал вечер. Не успеешь оглянуться – как ночь наступит. А место для ночлега не выбрано, и до озера не добрались.

Богатырь тронул повод.

– Ладно, недосуг... Будет время – обсудим. Видать, места тут такие, – Прозор pokrутил головой, – колдовские, что ли? Кажут то, чего нет. Или то, что в неведомых далях находится. Едем.

Темнело. Из редких лесных прогалин тянуло холодом. Будто не прогрелся за день лес. Внизу, уже над остывшей землей, меж спутанных узловатых корней, тянулись острые язычки тумана – предвестники ночной сырости.

Жеребец Прозора неторопливо шел по узкой тропинке. Хозяин опустил повод и конь сам выбирал путь – будто знал куда идти. Впрочем, все равно свернуть некуда.

Как-то незаметно начали появляться обыкновенные, не пораженные хворью, радостные для вендского глаза деревья. И трава под копытами пошла привычная: вдоль тропки – подорожник и стелющиеся по земле побеги чабреца. За ними низкорослые ромашки и зацветающие одуванчики, дальше – высокая сныть и чернобыльник. В мокрых местах – заросли осоки и папоротника, где посуше и повыше – иные лесные травы, которым несть числа.

– Вот и хорошо, – удовлетворенно крикнул Прозор. – Я уж думал эти лешачьи места никогда не кончатся.

– Рано обрадовался, – хмыкнул Любомысл. – Глянь, эвон куда тропка ведет. Снова к болоту заворачивает.

И верно, тропинка круто брала влево и вводила под мрачный покров. Там опять шли изломанные деревья, ветви которых обметал серый налет.

– Может, не поедем туда? – нахмурился Милован. – А если напрямки?

– Напрямки-то напрямки... – задумчиво молвил Прозор. – Только вот сдается мне, что прямой путь никуда не выведет. Помните, что старушка сказала? По тропке и никуда не сворачивать!

– Эх! – вздохнул Борко. – Тропка-то, она опять к топи выводит. А бабка говорила болота беречься. А я с одной рукой мало что сделаю. – Молодец кивнул на перебитую руку.

– Болит? – участливо спросил Добромил.

– Нет, княжич. Не болит. Только все равно я себя ущербным чувствую: не повернуться как следует, ни мечом толком не взмахнуть. Одно слово – калека. А я ведь оборонять тебя призван! Ну какой из меня охранник? – Молодец горестно покачал головой.

– Обережемся! И тебя обережем, друг! – улыбнулся Милован. – Ты главное вперед меня не высывайся, а я уж за тебя мечом поработаю.

Прозор хлопнул жеребца по крупу и чмокнул губами.

– Ладно, едем... Лес незнакомый, а пути мы не знаем. Места тут сами видели какие! Колдовские! Тут даже солнце по-иному ходит. За мной!

Въехали под промозглый покров хворых деревьев. Сразу потянуло холодом. И тут же стемнело, будто не озаряло сейчас солнышко верхушки чистых деревьев, будто ночь близится.

Предводитель глянул вверх. Небо стало бездонным, темным. На нем ни единой тучки, а ведь только что в сапфировой глубине кучерявились барашковые облака.

Тишина стояла прямо-таки звенящая. Ни дуновения воздуха над мокрой землей, ни шевеления среди высокой жесткой травы.

– Странно, – почесал затылок Прозор. – Там светло – тут мрак... Ухо остро держите, парни – уже по привычке соразмеряя голос, тихо прогудел предводитель – Чую, в этих проклятых местах еще не то увидим и не с такой диковиной столкнемся! Не бросайтесь очертя голову, куда не след! Тут что ни место – то сплошное наваждение и тяжелый морок. Хотя, чую не кажется нам это. В разных местах – все по-разному. Берегитесь...

Тропинка вела под уклон и вот они снова выехали к болоту. Сейчас от него несло холодом, будто окутала его осенняя стужа. Меж низких, поросших мхом кочек курился туман.

Под копытами коней хрустела подмерзшая болотная жижа.

Путники ехали по узкому берегу. Они спешили обогнуть край болота, видели, что тропка снова резко берет вбок и выводит в светлое место. Там алел закат. Там привычные деревья и травы, там похожий на родной лес мир.

Споро проехали шагов двести, как вдруг Прозору показалось, что росшее у поворота дерево шевельнулось. От его корней росли какие-то толстые побеги, и они буквально оплели ствол – будто хотели удушить дерево.

Богатырь пригляделся. Эх, как в воду он глядел, произнося последние слова. Накаркал, пуганая ворона!

Не побеги это у дерева растут – а колышутся длинные, толстые – с запястье мужчины – многоногие змеи. Точь в точь, как в Древней Башне. Только там змей был огромный и призрачный, а тут настоящие. Эх, в самом деле, занесло их в гнилые места!

Змеи мерно, почти неприметно раскачивались, будто они замерзли и их одолевала стужа. Будто спали. Порой одна из них словно вздрагивала и по темному блестящему телу пробегала судорога. Вот это-то движение и увидел Прозор.

Предводитель поднял руку, призывая не двигаться и замереть. Там, у края болота не наваждение. Оно не идет ни в какое сравнение с тем, что они недавно видели у гудящего камня. Но засыпанной подмерзшей ряской полоске суши вендов ждало нечто иное. Это не морок – это очередная беда. Дерево оплели невиданные жуткие твари. Что от них ждать – неизвестно. Но придется пройти рядом, иного пути нет.

Многоногие змеи шевелились, от дерева неся едва слышимый шорох и поскрипывание – это терлись друг о друга чешуйчатые твари.

Вдруг сзади раздался приглушенный хрип. Прозор резко обернулся. Нападение!

Хрипел Милован. Молодец бился в змеиных кольцах! Как тварь смогла подкрасться к опытному охотнику – Прозор не размышлял. Змея окрутила парня, прижав руки к телу. Схожие с большими рыбачьими крюками ножки стремительно шевелились, оставляя на толстой холщовой рубахе маленькие дырочки. Молодец оказался спеленатым. А под горло Милована, в то место где бьется живчик, впиалась плоская башка твари. Из-под нее текли тонкие струйки крови. Лицо молодца почернело, в полумраке белели оскаленные зубы. Парень пытался отдрать змеиную голову от груди, но тщетно – вцепилась клещом.

Рядом с жеребцом княжича вилась быстрыми кольцами еще одна многоногая гадина. Вот она наполовину приподнялась над землей и ее голова раскачивается на уровне стремян. Мерзкая тварь готовилась к прыжку. А за ней – от коряги, что в десяти шагах сбоку – шурша острыми лапками ползли еще несколько.

А Добромил будто окаменел. Ничего сделать не может! И его жеребец Дичко замер – ему ни отпрянуть ни на дыбы встать!

Старик Любомысл, видя происходящее, лишь разевал рот. Растерялся старый мореход. Он ведь с водой дело имел, он не воин и не охотник.

Лишь Борко молчаливо бился с неожиданной бедой. Парень низко свесился с седла и рубил тварей, что подкрались сбоку. Но ему с покалеченной рукой сложно и Добромила защитить, и Миловану-другу помочь. Хотя двух уже достал – их части скакали по земле толстыми обрубками.

Глухую тишину нарушал лишь хруст льдинок под копытами, да хрип задыхающегося Милована.

Происходящее Прозор оценил в одно мгновение. Времени на размышления не оставалось.

В воздухе коротко свистнуло – это полетел в сторону змеи один из метательных ножей, что висели на левом боку богатыря.

Всего их было пять – пять острейших клинков с обмотанными кожаными полосками ручками. Не успел первый нож долететь до нападавшей на княжича твари, как в воздухе уже крутился второй. За ним третий, четвертый... Никогда Прозор не метал ножи так быстро! Время для него замедлилось, богатырю казалось, что и его спутники, и невиданные твари застыли.

Первый клинок коснулся толстого тулова твари, и казалось она лопнула! По мерзлой земле, судорожно сплетаясь в кольца, колотились две длинных половинки змеи. Брызгала по сторонам тягучая бледно-зеленая кровь.

Второй нож отсек голову той, что душила Милована. Кольца змеи развилась, длинный остов забился сполошно, и уже в воздухе, рубанув мечом крест-накрест, змею добил Борко.

Остальные ножи поразили трех из пяти ползущих сбоку гадин. Им до вендов оставалось всего ничего – один прыжок. Две оставшихся змеи замерли. Они, стоя на хвостах, сучили в воздухе ножками. Слышались тихое шуршание и писк. Твари будто переговаривались. Потрескивали чешуйки.

Прозор видел, броситься они не решаются, видимо у змеюк есть какой-то разум. Гадины быстро поползли обратно к коряге и вмиг под ней скрылись. Улетевшие ножи венд подбирать не стал, времени нет. Да и не жалел: будет металл, откует другие. Твари опасны, жизнь дороже железа.

Борко тяжело дышал. Меч в его руке подрагивал. Молодцу казалось, что вот-вот снова появятся змеи. А Милован приложил руку чуть ниже шеи. Укушенное место саднило режущей болью.

– Жив? – озабочено спросил Прозор. – В седле удержишься?

– Жи-и-в, – прохрипел Милован. – Удержусь. Пройдет...

– Давай выдавлю... – Прозор подъехал к парню и сильно сжал место вокруг одной маленькой – будто булавочный укол – ранки. Появилось несколько капелек крови. Прозор выждал и даванул еще... Затем еще раз: – Пока все, потом всерьез займемся – щас недосуг. Яда всего ничего попало.

– Хорошо... – отозвался Милован.

Молодец морщился, острые ножки изодрали рубаху и оставили на теле маленькие ранки. Они горели – будто их солью посыпали.

– Княжич, ты как?! Любомысл?! – рявкнул Прозор. – Что молчите?

– Я-я... – только и смог вымолвить Добромил. – Я цел...

Мальчик так ничего и не понял. Слишком уж стремительно все произошло. Видел лишь, что Милован неожиданно схватился за горло и захрипел. И тут же Борко выхватил меч и начал рубить каких-то толстых и длинных червяков. Оказались это змеи. Добромил не успел опомниться, как одна из них – располовиненная – уже билась рядом с Дичко.

– Убираться отсюда надо, Прозор, – хмурился Любомысл. – И чем скорее – тем лучше. Вон, видишь? У того дерева их целый клубок. Шевелятся...

Прозор это давно видел.

Предводитель оценил расстояние до ствола и до того места, где тропинка выводила из этого глухого места на светлый путь. Там, меж деревьев струился закатный солнечный свет. Решение пришло мигом.

– Скачем! Скачем что есть мочи! Успеем проскочить! Милован – впереди. За ним Борко, княжич и Любомысл. Я замыкаю. Если что – помогу. Ну! Вперед!..

Отряд мигом перестроился. Жеребцы пошли вскачь, из-под копыт полетели комья мерзлой земли. По левую сторону мелькали покрытые серым налетом деревья, по правую – мерзлое болото. На ходу Прозор выдернул лук и наложил на тетиву стрелу с широким наконечником-срезнем. Если твари, что обвили ствол, нападут – будет бить на скаку. Не впервой, сумеет.

Богатырь замыкал отряд. Ум его стал холоден и расчетлив. Он отстраненно следил и за спутниками и за тем деревом. Черные тулова змей у ствола пришли в движение: они уже не плавно колыхались, а резко изгибались, вертя головами в разных направлениях. Твари видимо не понимали, отчего содрогается земля.

«Точно, у них разум есть! – отрешенно думал Прозор. – Ага, вот первая!...»

Одна из змей вдруг отделилась от дерева и стремительно поползла к тому месту, где тропка уводила от топи.

Стрела глухо визжа полетела в извивающуюся тварь. Есть! По мерзлой земле запрыгали две змеиные части. От ствола отпала еще одна. Богатырь наложил следующую стрелу, но бить пока не стал. Стрел мало – надо поберечь.

Охотник соразмерял расстояние до дерева следил за шевелящимся клубком и уже облегченно думал: «Проскочим! Кони быстрее идут!»

И впрямь проскочили! Прозор краем глаза видел, что только тогда, когда его жеребец прошел поворот, от ствола отвалились остальные змеи. Гадины сворачивались в тугие кольца, и, резко разворачиваясь, прыгали. Но догнать вендов они не могли – кони скакали быстрее.

А вот и светлое место близится. Еще немного и отряд выскочил на залитую закатными лучами широкую просеку. Проскакали еще немного. И тут, обернувшись, Прозор увидел ошеломительное зрелище. Из темноты леса на просеку выскакивали змеи и попадая на теплое место, на свет, тут же рассыпались прахом. Будто сгорали на лету! Лишь серый пепел легкими облачками оседал на траву!

– Стойте! – заорал Прозор. – Да стойте же! Тваридохнут! Их Хорс бьет!

Венды остановились и развернули коней. Они зачаровано смотрели, как из мрака выпрыгивают диковинные гадины и, попадая на закатные солнечные лучи, гибнут – обращаясь в пыль.

Любомысл покрутил головой.

– Надо же! Столько морей исходил, сколько миров видел, а о таком не слышал!

Прозор помрачнел.

– Думаю, тут ты и не такое увидишь. Занесло же! Ты как, Милован? – богатырь повернулся к парню. Увидев его лицо, вздохнул и покачал головой: зря спросил – и так понятно. Видимо, частица яда успела попасть в кровь.

Молодец сидел бледный. Губы и сжимавшие повод руки дрожали. Тело бил озноб. Когда скакали, Милован не чувствовал слабости, а как попали на светлое место, как напряжение схлынуло и тело будто цепи сковали. И под горлом жжет. Ему, когда эта тварь вцепилась, показалось, что из груди кусок вырвали.

– Квел я, – Милован махнул рукой. – Чую, отравлено во мне. Упаду скоро...

– Да ты что, друг! – всполошился Борко. – Терпи! До озера доедем, я рыбки наловлю, у меня в суме снасть лежит. Ушица тебя мигом на ноги поставит! Про хворь забудешь!

Прозор оглядывался по сторонам. Он выискивал нужную траву. Их тут много растет. В детстве деревенский знахарь учил его разные болезни изгонять. Но пока ничего нужного богатырь не видел. Хотя...

– А ну-ка! – венд соскочил с жеребца. – Добромил, иди со мной. Покажу кое-что!

Богатырь заприметил у дальнего дерева растущее в теньке растение: на невысоком стебле будто светло-лиловые колокольчики висят, а под ними один большой цветок распустился. Прозор бросился к нему. Следом спешил княжич.

– Вот, Добромил, смотри! – Прозор встал на колени перед цветком. – Это растение-братоубийца. Оно силу придает.

– Почему братоубийца? Слово-то какое страшное...

– Потому, княжич, что у него два корешка. Они будто братья-близнецы. Когда молодой корешок подрастает, силы набирается, старший брат гибнет. Запомни этот цвет. И если уста-

лость тебя одолевает или хворь, а ничего другого нет, то обратись к этому цветку. Он тебе свою силу отдаст. И всегда бери растения только руками. Если коснется его железо – силу вмиг потеряет!

Прозор бережно подкопал пальцами цветок. Губы его шептали заветные слова. Без них тоже растение не взять. Добромир прислушивался, запоминал.

Вскоре на ладони Прозора лежало два маленьких круглых корешочка. Он отряхнул их от налипшей земли и отер о рукав. Один корешок протянул Добромилу. Богатырь видел, что княжич тоже устал.

– Вот, княжич! Ты как, силы иссякли?

– Нет-нет, Прозор! Ты лучше Миловану дай! Ему нужнее.

Прозор только внутренне улыбнулся: справный князь из Добромира выйдет! Не о себе думает – о людях.

– И Миловану хватит! Ты, княжич, оглянись. Присмотрись во-он к тому дереву. Видишь? Там еще такой же цвет растет. Заветные слова запомнил? Иди, возьми его. Один корешок твой по праву. Другой хворому отдай...

И верно. Добромир увидел, что у росшего неподалеку дерева растет еще один такой же цветок. Княжич направился к нему...

Возвращаясь к спутникам, Прозор сорвал по пути несколько круглых листочков с не приметного, казалось, растеньица.

– Жуй, Милован! – Прозор протянул корешки. – Один сейчас, другой – как силы вновь иссякать будут. Дай я тебя рану этими листками закрою. Они яд в себя примут и ранку затянут...

Наложив на змеиный укус круглые листки и надежно их прикрепив тронулись дальше. Круглый, похожий на яичко, корешок почти сразу произвел на молодца благотворное действие. Его лицо порозовела, а дрожь в теле унялась. Милован чувствовал себя так, будто ничего не случилось.

Кони раздували ноздри. Умные животные чуюли запах воды. Ехать до озера оставалось совсем немного. Вот, меж деревьев, блеснула озерная гладь. И вот венды выехали из леса на широкий поросший заливыми травами берег.

– Вот это да! – воскликнул Добромир. – А сверху оно небольшим казалось!

Его спутники молчали, пораженные увиденной красотой.

Огромное озеро лежало в окаймлении высоких стройных деревьев... Глаз путников радовался: они привычные, не то что в хвором лесу, и их не счесть. Вот растет могучий ясень, а вот зыбкая ольха и разлапистые ели. Вот красавицы клены, а среди них изредка растут величавые неохватные дубы. Единственное – сосен отчего-то мало. Видимо, не очень подходит им для жизни это благодатное место

Понизу шел кустарник. И росли не буйные колючки, которые даже конскую шкуру продают, а знакомые, которые и у них в родном лесу есть. Вон малинник, рядом низкорослые заросли ежевики.

Вершины деревьев шевелил ветер и золотило закатное солнце. Дальние берега заволакивала дымка. На самой же – уже темной – воде часто возникали круги. Порой доносился всплеск, – это охотилась на вечернюю мошкару озерная рыба. Значит, будут с едой! Да и без этого венды чуюли, что окружающий озеро лес полон зверья – не будет удачной рыбалка, так поохотятся.

Венды покачивали головами. Дивились тому что видят. Вроде и немного времени прошло, а уже отвыкли от привычного леса. Не видно плесени на стволах, нет серого налета на ветвях. Не растут на земле бледные истонченные грибы, и в траву можно лечь без опаски.

– Гляньте... – шепнул Борко. – Там, у дубов.

В дубняке паслось семейство кабанов, доносилось довольное хрюканье и повизгивание. Мелькали полосатые спинки молодняка. Лесные свиньи тыкались пяточками в траву, выискивая желуди.

– Охотиться пока не будем, – отозвался Прозор. – Хоть руки и чешутся. Осмотримся поначалу. Еда с собой есть, подождем до утра. Пока светло, поедим за тот озерный выступ. Глянем, что за ним... Может там место для отдыха выберем. Тут слишком близко к тому болоту. Кто знает, что еще в нем водится. Пора ночная идет, мало ли что...

– Да и бабушка сказала, что у озера нас ждать будет, – добавил Любомысл. – Она-то прояснит, где мы очутились, что за мир такой!

Лошади тянулись к воде. Они, бедные, с самого утра и не кормлены и не поены.

Напоив, поехали дальше к вдающемуся в озеро выступу, благо до него недалеко и до темноты успеют. Обьедут, глянут, что там дальше, и на ночлег остановятся.

Милован схватился за лук – в кустах мелькнула серая спинка зайца. Молодец уже позабыл, что совсем недавно его ужалила многоногая болотная тварь. Рана под наложенными листьями уже не жгла огнем. И слабость ушла – корешки Прозора оказались воистину чудодейственны.

– Эким ты шустрым стал, – улыбнулся довольный Борко. – Не трожь зайчонка, я ж обещал – рыба будет.

– Рыба так рыба, – опуская оружие охотно согласился Милован. – Даже лучше, ухи-то ведь так и не отведали.

На лица вендов набежала тень. Вспомнили, как позавтракали ночью варили уху, как на их отряд обрушилась нежданная беда и как погибли друзья.

«Эх, как там Велислав? – опечалился Прозор. – Жаль, нет его с нами. То-то дивится будет, когда мы отсюда выберемся и все ему расскажем...»

В том, что его лучший друг жив и вышел целым из ночной передраги богатырь не сомневался.

Путники въехали на вдавшийся в воду выступ, обогнули его берегом и...

И онемели!

ГЛАВА 2. Хозяйка лесного озера

Шагах в двухстах от вендов, на пологом берегу тихой заводи, невдалеке от воды, стояла изба.

Да что там изба!

Хоромы! Небольшой терем!

Дружинники остановили коней. Переглядывались молча: пропали куда-то слова. Оставалось лишь пристально рассматривать ухоженное строение.

Так хорош, так наряден был этот терем с его светлыми стенами, умытыми окошками, окаймленными искусной резьбой ставнями, хитро вырезанными перилами и балясинами, что суровые венды не могли им не залюбоваться.

Ну никак не ожидали они увидеть такое в этой необычной земле, после прохода сквозь большой лес!

Отражались в озерной глади ясные гладкие стены, – будто любовалось собой пригожее жильё. Сверкала в закатных лучах лазурная кровля и бежали над ней кучерявые облака.

Закрадывалось сомнение: уж не таится ли там неведомая опасность? Не морок ли этот опрятный терем? Слишком неожиданным было наткнуться на эдакое красивое жильё в странном, неведомом мире. События последних дней приучили вендов не сразу принимать на веру то, что видят глаза. Но нет, вроде бы хоромы им не мерещатся.

– Эдакое жильё князю впору! – Милован не мог скрыть восторга. – Оно даже лучше чем каменный дом!

– Да, – согласился Прозор, – или князю, или богатому купцу. Верно, Добромиль?

– Верно. Я такого красивого дома даже в Триграде не видел – там и деревянные дома есть. Это наша Виннета вся из камня. Вот бы и у нас такой построить!

– Вырастешь – построишь! – улыбнулся Любомысл. – Запоминай...

Сразу за избой – или теремом? – зоркие охотники увидели небольшое стадо оленей. Трое детенышей в пятнистых шкурках и пяток самок. Предводительствовал ими красавец-вожак. Голову его украшали не до конца разившиеся рога. Старые олень сбросил ранней весной, а новое ветвистое оружие вырасти еще не успело. Животных будто не смущало и не страшило то, что они пасутся рядом с жильем.

– Не боятся... – удивился Борко.

– Видимо, приручены, – задумчиво сказал Прозор. – Непуганые...

Но тут он ошибся. Услышав голоса, олень поднял голову, втянул воздух, и закинув рога на спину, издал низкое и протяжное мычание. При утробном реве шея его сильно раздувалась. Оленихи с детенышами неспешно, важно поднимая головы, направились в лес. Шествие замыкал вожак. На шее у него Прозор разглядел нечто вроде ленточки, или, скорее, ошейника.

– Точно, приручены, – улыбнулся предводитель. – Видимо, хозяин животину любит. Вы, вот что, парни. Не вздумайте в этом месте охотиться. Неизвестно, какие звери хозяину этого жилья любят. Может, они тоже ручные. Рассоримся.

– Хорошо, – согласился Милован. – В озере рыба плещется. Борко обещал ухой угостить. Помнишь?

– А как же, друг! Дай только с ночлегом обосноваться. Тут же ушицу сварганю. Ты как? Помог Прозоров корешок?

– Помог. Хворь будто пыль мокрой тряпкой смахнуло.

Милован и впрямь уже забыл о нападении на болоте. Тело наполняла сила, молодец ощущал как в жилах бурлит кровь. Казалось, нет такого дела, которое не было бы ему по плечу! И в самом деле корешок чудотворный!

Борко не переставал дивиться.

– Вот это да! – шептал молодец. – Ну и ну! Хорошо, что изба такая...

Прозор услышал и про себя усмехнулся: понял, о чем думает дружинник. Видимо, не у него одного такие мысли бродят.

– Какая «такая» изба? Красивая?

– Нет, не это... – Борко замялся. – Она как бы привычная. Страх в ней нет.

– А ты что, ожидал частокол покосившийся увидеть, а на нем черепа людские да конские? – заулыбался Милован.

– И десять кольев свободных, как раз для нас – путников усталых, – ехидно добавил Любомysl. – Так, Борко? Угадал? Или тебе иная жуть мерещилась?

Борко кивнул. Весь путь у него не выходила из головы та странная старуха, которую они увидели у диковинной могилы. Он думал, что и жилье, в котором она будет их ждать, ей подстать.

– Это ты друг, в детстве сказок наслушался! – засмеялся Милован. – Я помню: в детстве хлебом тебя не корми, только дай новый сказ послушать. Вот и мерещится тебе, что это Яга нас к себе в гости заманила. Как войдем – так будет в печь на хлебной лопате сажать. Так?

Борко только досадливо отмахнулся здоровой рукой.

– Сам на печь со страху забирался, не помнишь что ли? Да и как старуху увидел, эвон как за лук схватился! Помнишь?

– Ладно, парни, – ухмыльнулся Прозор. Яга не Яга, а ночлег нам нужен. Лучше этой избы вряд ли что найдем. Можно и в лесу, но если крыша есть, так чего ж от нее отказываться? Вещует мне что-то, други мои любезные, что нас тут уже ждут, – принюхиваясь и довольно чмокнув губами добавил Прозор. – Чуете? Воздух запахом яств пропитан... Прямо хоть нарежь да ешь!

В самом деле – в прохладном вечернем воздухе витали запахи жареного, пареного, печеного и еще невесть какого съестного. Милован и Борко сглотнули слюну. Молодым парням почти всегда хотелось есть. А тут еще такой переход совершили! С утра, почитай, маковой росинки во рту не было! Уже давно пора подкрепиться чем-нибудь.

– Хорошо! – Лицо Любомысла расплылось в довольной улыбке. – Значит, спать на пустой живот не ляжем. Вот и ладушки! Ты как, Добромил? Проголодался, небось?

Маленький княжич лишь слабо кивнул. Еще бы! Можно и не спрашивать: он и голодный, и усталый. Все вместе...

Прозор полез в перекинутые сзади седла торока.

– Вот что, ребята. Дружинные плащи одеваем. Пусть хозяин видит, что мы не просто путники усталые, но воины княжеские. Честь надо блюсти. Облачайтесь. – Прозор ловко накинул на себя черный плащ с вышитой на плече прыгающей рысью.

Надев плащи, венды ощутили, что и на душе тепло стало, и сил вроде прибавилось. Прозор верно придумал: хоть и незнакомая земля кругом, но вести себя в ней надо достойно.

– Едем! – Прозор тронул повод.

Под копытами шуршала осока. Кони неторопливо шли по краю берега. Ни к чему спешить, и тем показывать хозяину свою неучтивость.

Хоромы оказались не только красивыми но и добротными – основательно срубленными. Срезы бревен просмолены. Щели подоткнуты толстыми пластами мха. Сами же бревна не успели еще потемнеть – видимо, дому не так уж много лет. И окна оказались не из слюды, а совсем как в княжеских палатах – стеклянные.

Единственное, что отличало его от привычных, ранее видимых домов, – это большое крыльцо. Венды не делают их такими широкими: чуть ли не в четверть стены.

За хоромами виднелись какие-то, тоже основательно сделанные, хозяйственные постройки. Почти целое княжеское подворье! Только не очень большое: из дерева и не обне-

сенное частоколом. Хотя, вообще-то, одиноко стоящее в лесу хозяйство всегда принято огораживать.

Бесшумно отворилась резная дверь и на крыльцо вышла девушка...

У Борко и Милована раскрылись рты. Молодцы потупились и густо зарделись. Глаз они не поднимали – Милован упорно смотрел меж конских ушей, Борко вбок – на корни высокой сосны, росшей неподалеку. Будто увидел там нечто интересное и сейчас ему – прямо-таки позарез! – необходимо выяснить, что это такое.

Прозор же крякнул, pokrutil головой и зачем-то тронул заветное серебряное колечко. Княжич Добромир смотрел во все глаза. Еще бы, красота девицы казалась неопишуемой! Венды даже и подумать не могли, что есть на свете такая краса! Лишь старый мореход Любомысл ничем не высказывал своего удивления. Будто ему не в диковинку ни сам нарядный терем, ни его хозяйка. Мол, бродя по свету, и не такое встречал.

Наконец, венды справилась со смущением. Во все глаза глядели на хозяйку. Видели соболиные тонкие брови, тонко очерченный нос и крепко сжатые, чуть припухлые губы. Будто сердится красавица. Но видно – вот-вот и заиграют уста радостной улыбкой. Глаза девушки лучились весельем, и сквозило в них нечто необъяснимо-чарующее. Красавица искренне наслаждалась, видя замешательство вендских охотников.

Ни молодцы, ни Прозор, ни мореход Любомысл доселе не видели такого необычного и красивого наряда, в который была облечена девушка. Струилось невесомое, похожее на девицью вендскую рубаху платье – только длиннее, до щиколоток. Ткань его серебрилась, казалось по нему – будто в погожий день по воде – пробегают веселые искорки. Сверху платья накинута легкая небесно-голубая безрукавка, а по ней серебряной канителью вышиты и облака, и птицы, несущиеся под ними, и лик солнца, который раскинул лучи над облаками. Станным казалось, что рисунок вышивки был наполнен непонятной силой и казался будто бы живым.

Волнистые белокурые волосы девушки перехватывал по лбу узкий, изукрашенный сверкающими самоцветами ремешок. Снизу под него воткнуто перо мудрой ночной птицы: совы или филина.

Тонкие запястья украшали гладкие, тускло мерцавшие в сумраке, золотые наручи. На пальцах рук несколько колец со вделанными в них изумрудами. Казалось, сверкнул глаза красавицы и камни тут же им вторят.

– А-а-а!.. Гости дорогие! Приехали наконец-то! Как добрались? Не узка ли тропка оказалась? Вижу-вижу – болото обходили! Наверное, потому и задержались. Намаялись, верно? – улыбалась девушка. – Ну что же: распрягайте коней, да в горницу проходите. Мы ведь с Баюном вас ждали!

Вопрос, кто такой Баюн, тоже заждавшийся усталых путников, разрешился сразу. Из дверного проема неторопливо вышел важный полосатый котяра, размером чуть ли не с рысь, и, изогнув толстый хвост крючком, принялся тереться о босые ноги красавицы.

На дивном коте надет блестящий серебряный ошейник. Передние лапки украшали такого же вида наручи. Весь вид нарядного кота выражал довольство, самоуверенность и радость. Прищуром желтых глаз он цепко озирал дорогих гостей. Взгляд его ненадолго задержался на Добромире, на молодцах. Более пристально он изучал Прозора и Любомысла. Особенно Любомысла. И тут, переведя желтые глаза на суму старика, кот неожиданно презрительно фыркнул и зажмурился. Будто узрел там нечто плохое. Старый мореход не знал, что и подумать. Чем это он не угодил Баюну?

Милован и Борко уже отошли от первоначального изумления и бросали на девушку восторженные взгляды. Парни приосанились, они выпячивали грудь и напускали на лица серьезный вид. Руки их сами по себе не к месту трогали оружие: то черен меча ухватят, то перевязь налучи поправят. Но все равно, показать красавице, что они основательные и серьезные люди,

получалось плохо. Хоть и надувались спесью молодые воины, но подводил их багровый румянец, который резко вспыхивал на пухлых щеках.

Зардеются молодцы, и только справятся со стучащими сердцами, только ощутят, как кровь от лица отхлынула, как снова чувствуют, что лица вновь горят огнем и снова полыхает на щеках проклятуший жаркий румянец.

Совладать с ним молодцы ну никак не могли! Это и понятно: кого угодно ожидали они встретить у озера. Что угодно! Борко и Милован готовились к любой неожиданности; тут их могло поджидать неведомое чудо-юдо, или, скорее всего, снова бы встретились с той неопрятной каргой, которая трещала костяшками берегов и вещала неприятным скрипучим голосом.

Но молодые дружинники и представить не могли, что после перехода по хворому заплесневелому лесу, после виденных в нем страшноватых и непонятных вещей, после нападения змеев они встретят такую красавицу! И чудовищ, оказывается у озера нет. И зверюг – матерых и опасных – тут тоже не видно. Только вот видят красу ненаглядную, а из зверей лишь кот-добряк!

Вон, вишь, как к хозяйке ластится! И бесстрашный кот: о хозяйку потерся, их желтыми глазищами осмотрел и к жеребцам порскнул – ничуть, видать, не боясь здоровых животных. И откуда коту в таком лесу взяться? И как его тут не подъял какой-нибудь сильный зверь?

И Любомysl с Прозором были озадачены. М-да... Хозяйкой-то этого озера оказалась вовсе не давешняя древняя старушка, которая направила их сюда! Она обещала, что будет их тут ждать. Так где же она? Хотя... Хотя, если по пути у них и возникали какие-то сомнения, то сейчас стало ясно, что ничего плохого в этом месте их не ждет.

У пригожего терема на берегу лишь девушка красоты неопиcуемой, а с ней кот. И кот тоже совсем не простой, вон, весь серебром препоясан! И как это у него получилось ловкости своей не растерять? Серебро – оно же тяжелое, оно движения скрадывает! И на хозяйке тоже есть украшения из этого убийственного для любой нежити металла. Нет, тут опасности они не чувт!

Первым пришел в себя бывалый человек Любомysl. Отвесив учтивый поклон – насколько это возможно сделать сидя в седле – старый мореход произнес следующие слова:

– Здравствуй, девица-красавица! Поздорову ли поживаешь? Позволь вопрос задать.

Красавица склонила голову.

– И тебе поздорову, добрый человек. Спрашивай.

– Ты ли хозяйка этого терема? И где бабушка, которая нас сюда послала? Мы ее ожидали увидеть...

– А чем я хуже! – красавица залилась неудержимым смехом. – Такие же руки, ноги... Ну, если только помоложе буду! Не переживайте – быть может и появится ваша любезная бабушка, раз она вам так по нраву прищлась. Попозже будет... может быть, – загадочно добавила девушка. – Ну, путники усталые, распрягайте коней, да в избу проходите. Располагайтесь там. Как раз и ужин поспел.

Вслед за Любомyslom так же учтиво поздоровались и остальные. Каждый получил в ответ ласковые слова и доброжелательную улыбку. Поприветствовав девушку, венды медлить не стали. Спешившись, первым делом повели коней к озеру. Пусть напьются вволю. Озерная вода поражала своей чистотой и прозрачностью: несмотря на опускающийся на лес сумрак, на дне виден каждый камешек, каждая песчинка! Над ними, поблескивая серебристыми боками, стремительно пролетали стайки мелких рыбешек.

Прозор с тщанием ополоснул руки. Долго умывался. Фыркал от удовольствия. Богатырь мысленно сожалел, что не может сейчас помыться более основательно. После дневного перехода даже его – неутомимого охотника – одолевала усталость. Наверно об этом же думали и остальные. Вода – она бодрость придаст. Да и за прошедшие дни одежда изрядно пропылилась и пропахла едким конским потом. Так за стол садиться не дело!

Умывшись и напоив коней, повели их к избе-терему. Может там найдется какая-нибудь коновязь. Девушка все так же стояла на крыльце, и, скрестив на груди руки, наблюдала за тем, что делают дружинники. Оказалось, что привязать коней было не к чему.

– А вы их так пустите. Стреноживать не надо. Не уйдут. Пускай травку щиплют – все равно ни сена, ни овса я не держу, – посоветовала хозяйка терема, – коней тут нет. Хотя... – девушка ненадолго задумалась, – пожалуй, я овсом или иным зерном потом расстараюсь. А вы, воины, не опасайтесь – никто ваших жеребцов тут не тронет. Хищный зверь сюда не ходит. А если придет – то не обидит. Такой уж тут порядок.

Слова девушки вызвали доверие. Ну что же, раз хищный зверь этих мест избегает, а если и приходит, то ведет себя смирно, то может и вправду пустить жеребцов гулять свободно? Так и сделали. Коней просто распрягли и ноги им спутывать сильно не стали. Пусть бродят по озерному берегу, он большой, на нем есть чем поживиться даже большому табуну. В чашу они не полезут – не глупы, знают, что может таиться во тьме. Опасность и хищников чуют загодя, выучены. Порой и всадников предупреждали о грядущей беде, примеры тому есть.

Прозор вопросительно смотрел на девушку, держа в руках седло, чересседельные сумки, сбрую и прочую нехитрую конскую утварь:

– Куда бы все это сложить, хозяйюшка? Прости, не знаю как тебя звать-величать. В этой суматохе как-то не сподобились ближе спознаться.

– А Нежданкой зови, Прозор! – Девушка залилась звонким смехом. – Вы ведь думали, что вас тут бабка старая, клюкой подпираемая, встречать будет? Но ведь никак не ждали, что меня увидите! Так? Угадала?

– Угадала... – смутился Прозор. Смутился и удивился – откуда эта девушка знает его имя? Ответ один, та лесная старушка ей это поведала. Но богатырь вспомнил, что и при ней они никаких имен не называли и друг к другу не обращались. Очередная загадка...

Будто прочитав его мысли и все так же загадочно улыбаясь, Неждана ответила на невысказанный вопрос:

– Ты не удивляйся, Прозор! Я ведь все ваши имена знаю. И как этих удалых да пригожих молодцев кличут, тоже знаю. Борко и Милован. И как старца вашего рассудительного зовут мне ведомо. Любомысл ему имя – ведь верно? И знаю, что мальчик маленький – княжич, и имя ему Добромил. Спросишь, откуда ведомо, так отвечу: вы, когда по лесу шли, то так вопили, что только глухой не услышит. Да вы не мнитесь, воины: седла, да прочую конскую одежду пока на крыльцо снесите, в дальний угол. Потом подумаем, где ей лучше место. Сами видите – построек немало, а вот конюшни-то и нет!

Видя смущение Прозора девушка прыснула. А богатырь чувствовал как краска заливает его щеки. Еще немного, и станет совсем как два увальня: Борко и Милован! Эвон, стоят рты разинув. Пунцовые будто огромные вареные раки. Но Прозор краснел не от смущения перед красавицей хозяйкой, он досадовал на себя. Они ведь скрытно старались идти! Он, после встречи со старушкой, велел громкую речь прекратить! Идти и по сторонам смотреть! Вглядываться в каждую тень, вслушиваться в каждый шорох! Когда это они, как сказала Неждана, вопили на весь лес? Тут что-то не то... Не вопили они, как говорит девушка. Не вопили! Они тихо переговаривались. А он всего лишь единственный раз силу голосу дал – на болоте, когда отряд перестраивал, когда от прыгучих многоногих змеев ноги уносили.

– Прости, Неждана, – глухо пробормотал Прозор. – Что-то не упомяну я, когда мы в лесу шумели да вопили...

Ласково улыбнувшись, Неждана махнула рукой. Мол, потом обсудим. Успеем еще и наговориться, и поближе друг друга узнать. А пока другие дела есть, более важные...

– Вы, думаю, после пути-то дальнего ополоснуться да помыться желаете? – спросила девушка. – Так для вас давно уже банька истоплена. Я еще загодя, перед вечерней зарей воды ключевой наносила, да протапливать начала. Чую, уж давно прогрелась.

Неждана будто прочитала сокровенные мысли путников. Баня – это то, что надо! Лучше – с дальней-то дороги, да с устатку – ничего не придумаешь!

– Банька во-он там! – Неждана махнула рукой в сторону одинокой избенки на берегу озера. Сами в ней увидите, что к чему. Веники дубовые заготовлены, бочонок с квасом для духа. Только уж извините – невелика она. Придется вам по очереди париться. Не рассчитана она на такое войско.

Пунцовые молодцы улыбались, Любомысл довольно качал головой, а Прозор поклонился чуть ли не земно.

– Спасибо, хозяйюшка! – прочувственно сказал богатырь. – Спасибо за заботу! Главное, чтобы банька была, а там уж как-нибудь разберемся! Так, парни, – он обернулся к Борко и Миловану. – Вы пока здесь прохлаждайтесь, а мы с княжичем в баню пошли. Не бойтесь – долго там засиживаться не будем, и на вашу долю чуток пара оставим! Любомысл, с нами пойдешь, или с молодцами страдать будешь?

– А чего тянуть! – воскликнул старый мореход. – Где двое взойдут, там и третьему место найдется! С вами пойду. У меня и исподнее свежее есть. И на себя, и на Добромила. – Старик потряс объемистым мешком, снятым со своей кобылы.

– Ну, чистое белье у каждого найдется, – усмехнулся Прозор. – Порты да рубаха – невелика ноша. Однако, пойдем. Попаримся...

– Вы бельишко ношенное где-нибудь там сложите. Или у баньки – у дверей, или в предбаннике. Его потом, когда помоетесь, простирнут. Завтра к полудню просохнет.

– Да мы сами выстираем! – возмутился Прозор. – Не будем никого утруждать. Еще чего!

– Ну смотри. А то тут знатные прачки есть! – засмеялась Неждана. – Им в охотки и в радость! Да банника моего там не забижайте! Испугается бедный, такой-то оравы!

– Не забидим, Неждана, – улынулся Добромил. – Мы добрые...

Несмотря на заверения Прозора, что рассиживаться в баньке не будут и управятся мигом, парились долго. Из протопленной, пропитанной квасным духом бани выходить не хотелось. Несколько раз выбегали и плескались в холодной озерной воде – охлаждая разомлевшие, разгоряченные тела. Наконец, когда уже совсем стемнело, и небо усеяли яркие звезды, все собрались в просторной горнице. Оружие, с которым венды не расставались последние дни, сложили на лавке у входа. Рядом положили дружинные плащи.

Ввиду поздней поры небольшие оконца закрывали ставни. На светлых, изукрашенных резными узорами стенах висели маленькие, оправленные в стекло светильники. Под ними тянулся ряд лавок. В дальнем углу стояла печь, и на ней расположился давешний полосатый кот Баюн. Он зыркал на вендов большими, сверкающими зеленоватым огнем глазищами.

Белели намытые, гладко обструганные половицы. Посередине горницы стоял застланный плотной скатертью стол, и к нему, в ожидании гостей, были придвинуты две длинные тяжелые резные скамьи.

А на столе чего только не стояло! И духовитые расстегаи на двух больших круглых блюдах, и с ними крупитчатые олады; и жареная в сметане рыба в круглых плошках, а рядом моченые яблоки и густо пересыпанные луком соленые грибочки... В стеклянных кувшинах квас и пиво, в глиняных крынках топленое молоко, в ковшах квас, а в кисельниках густой розовый кисель, приготовленный из меда, смородины и овса. Белел светлыми боками туюсок, полный лесных ягод, румянилась творожная запеканка на большом подносе. Но самое главное – на столе в особом блюде горкой лежал нарезанный толстыми ломтями хлеб: и белый – что из пшеницы, и черный – ржаной. А по нему венды так соскучились!

Если бы не незнакомый мир, куда так неожиданно занесло вендов, то они решили бы, что находятся сейчас в привычном месте, в какой-нибудь богатой избе. До чего же все это напоминало родную сторону!

– Усаживайтесь, гости дорогие! – Неждана повела рукой в сторону стола. – Угощайтесь с дороги! Вы уж извините, не знаю – угодила ли? Собрала все, что смогла!

Венды молча поклонились, слова тут излишни. Прозор же ответил за всех:

– Спасибо, хозяйюшка! Лучшего нам и не надо. Давно такой славной еды не видели!

Расселись. Прозор, княжич и Любомысл по одну сторону стола, молодцы по другую. Место во главе займет хозяйка, она тут главная, они у нее в гостях.

Борко и Миловану было невтерпез, молодцы еще днем чувствовали голод. Накладывая для начала соленых грибочков и огурчиков, парни озирали стол. Чего бы еще более сытного взять? Кашу, пироги и кисель с квасом можно оставить и напоследок. Сначала надо съесть что-нибудь более существенного и сытного.

Неждана, видя затруднение молодцев, их оголодавшие сверкающие глаза, загадочно улыбнулась и певуче протянула:

– Вы уж простите, гости дорогие, но мяса на столе нет. Сама его не ем, и других стараюсь отворотить – по мере моих сил. Жаль мне жизни зверей забирать. Вижу – вы не только воины, но и охотники. Знаю – великие! Вам без дичи нельзя. Но рыба не хуже мяса. Особенно озерная. Рыба не зверь, ей я не дорожу. Не пеняйте...

– Да, что ты, хозяйюшка! – растерялся Прозор. – Разве мы пеняем? Да мы угощению рады! Уж давно так не сживали, да домашних яств не пробовали!

– Ну и ладно, – вновь улыбнулась Неждана. – Давайте вечерять. Отведайте шей поначалу, они у меня наособицу: двойные. Сил вам придадут.

Неждана легкими шагами скользнула к печи, засунула в устье рогатый ухват на длинной ручке, и ловко вытащила большой чугунок, из-под крышки которого бил одуряющий запах настоявшихся шей.

Прозору только и оставалось, что повести носом и вожделенно крикнуть. Молодцы глотали слюну. Добромил и Любомысл в нетерпении ожидали знатного блюда.

Неждана неторопливо разливала щи по мискам.

Перед тем как их отведать, Прозор потянулся к плошке, в которой в едком соку вперемежку плавали головки очищенного лука и зубчики моченого чеснока. Закусил, крутнул головой, и неторопливо зачерпнул ложкой густое варево...

– Эх! – отведав, только и смог вымолвить богатырь.

Несмотря на заверения Нежданы, что мяса в них нет, щи ничем не отличались от обычных – наваристых. Вендам казалось, что они издают одуряющий мясной запах.

Первоначальный голод утолили быстро. А затем неторопливо принялись за остальные блюда.

– Ох, хозяйюшка! Ох, и уважила! – ворчал довольный Любомысл. – Эх, как ты расстаралась! Мыслили ли мы, что на такой пир попадем?! Никто и подумать не мог! Благодарим тебя от всей души. Щи – знатные! И не скажешь, что мяса в них нет. А от рыбы, кто ж откажется? Ну-ка, ребята, давайте жареных карасей отведаем!

Хозяйка сидела во главе стола, подперев подбородок руками и ласково улыбалась.

– Кушайте, кушайте. И расстегаи рыбные, их не забудьте, – они тоже вашего внимания достойны.

– А как же, хозяйюшка! – Любомысл взял себе и Добромилу по большому куску пирога, налил в объемистую чару густого киселя. – Ну-ка, княжич, уважим хозяйку!

Молодцы молчали. Насыщались. Дело молодое – только подавай! Ужин длился долго.

– Неждана! – наконец насытившись и тяжело отдуваясь, сказал Прозор. – Поясни нам, а где же та старушка, которую мы в лесу повстречали? Ты уж прости – не знаю, кем она тебе доводится. Если бы не она, так мы бы сейчас под каким-нибудь шипастым да заплесневелым кустом ютились. Она дорогу к озеру указала! Без её тропки, чую, в жизни бы сюда не добрались! И ей благодарность великая, а тебе наособицу! Без твоей баньки и немтыми бы оста-

лись, да голодными в придачу... – перечислял Прозор. – Скажи, ты ей случаем не внучкой приходишься?

– О ней не беспокойся, Прозор, – певуче протянула девушка. – Так отвечу: не придет она сюда. Дала мне знать, что на краю леса незнакомые люди объявились, и помощь им нужна, и дальше пошла. Дела у нее свои есть. Не будет ее здесь, охотники... Ну, а кем я ей довожусь? – Неждана задумалась, и неожиданно лукаво подмигнула: – Пожалуй, Прозор, что и внучкой!

В беседу не преминул вступить Любомысл.

– Неждана, не скажешь ли нам, что за людей Прозор видел? Тех, что на ящерах в гору поехали? На то место, откуда мы незадолго перед ними спустились. Ящеры шли – деревья валили! Даже я, тугоухий, слышал. Думаю, великой опасности мы избежали! Старушка сказала, что в лес они не войдут. Это так? Почему?

Зеленые глаза девушки потемнели, будто лес перед грозой. Казалось, ее лицо озарила мимолетная молния: вспыхнула неукротимым огнем – и погасла. Неждана тяжело вздохнула, губы ее дрогнули. В глазах появилась тоска. Тяжело вздохнув, девушка медленно обвела взглядом вендов и тихим голосом промолвила:

– О них не думайте. Не войдут они в лес, и путь к озеру им заказан. Пока заказан... Не пришло еще их время, – добавила она непонятные слова. – Так что не беспокойтесь, воины. Не будет в этом месте ни этих людей, ни тварей, которыми они повелевают.

– Если биться придется, то силы неравны. Мы супротив них, как зайцы против волков, – пробурчал Прозор. – Но и еще скажу – мы многое за последние дни повидали, чудом живы остались и уже ничего не боимся. – Прозор бросил взгляд на лавку, на которой покоилось их оружие. – Только мечами да стрелами с ними не совладать. Другое надо придумать.

– А кто они такие, Неждана? Что это за люди? – спросил Любомысл. – Поясни, коль можешь. Я ведь когда-то, почитай, весь мир исходил. Много чего видел, много бед испытал. Но не слышал, чтобы обычный человек ящерами повелевал и ездил на них будто на простых лошадках.

– Не люди это вовсе, Любомысл! – с горечью сказала Неждана. – Вид у них людской – а суть иная. Повезло вам, что не видели они вас. Тогда бы беды не миновать. Сила великая им подвластна. Хотя... – девушка с прищуром посмотрела на старого морехода, – ты бы наверно смог напасть отвести. Есть при тебе то, чему они повинуются.

Любомысл не переставал удивляться. Надо же! Вот снова: второй раз на дню ему говорят, что он, оказывается, владеет какой-то неведомой силой. Первый раз сказала диковинная старушка, которую они утром у сруба-могилы встретили. Второй раз красавица Неждана. И, судя по словам хозяйки, силой немалой, если сможет с ящерами совладать!

Но он же не воин! Он не охотник! Ему не то что до богатыря Прозора, даже до молодых увальней, которые сейчас уписывают яства так, что аж за ушами трещит, ох как далеко! Он наставник княжича Добромила! Еще по морям ходил, воду знает. Не боец он! Хотя, своими знаниями, он своих друзей за пояс заткнет. Но ведь знания – это другое. Ящерам добрая рога-тина потребна! Стрелами, мечами, копьями их пронимать надо! Этим тварей словами не увещуешь, в самом-то деле!

Мысли Любомысла скакали. Он сначала даже не задумался, почему Неждана об его неведомой силе сказала. Лесная старуха ей весть передала? Да что ж такое в нем есть? Непонятно! Старик проперхался, и смущенно сказал:

– Прости, красавица. Не знаю, о какой силе старушка толковала, и ты сейчас говоришь. Не знаю, откуда она у меня, и что собой представляет. Прости, старика. Не так уж я и силен. Я ведь мореход: могу байки разные рассказывать, таинственных историй немало знаю. За свою жизнь, ох чего только не видел! Что есть – то есть. Но вот сила, что с ящерами поможет совладать? Загадка... Может, пояснишь?

Добромил, до этого молчавший, добавил:

– Неждана, мы ведь вообще не отсюда. Мы из другого места. Из другой стороны, из другого леса. Мы сюда неожиданно попали. Я на своем жеребце случайно к туману подъехал, а он возьми и расступись! Дичко понес, а друзья за мной вслед поскакали. И вот мы здесь. Сами не знаем где...

Княжич говорил тихо. Вспомнил, как нес его Дичко, и как чуть было он не очутился в царстве Мораны. Вспыхнули тяжелые воспоминания: перед Добромилом вновь встала непроглядная тьма и зарево далеких костров на ее пределе. В ушах зазвучал клекот ворона – вестника Мораны. Мальчик содрогнулся – вспомнив жуткий холод, и побледнел.

Неждана почувствовала овладевшее мальчиком состояние. Видимо, хозяйка лесного озера знала гораздо больше чем венды. Девушка ласково улыбнулась княжичу.

– Через Радужный Путь прошли? Не печалься, Добромил. Не вы первые – не вы последние. Этот туман зла в себе не таит. Выводит в нужные места. И до вас сюда люди ходили. Но только в избе этой – рядом со мной – не сидели. Не званы они были, и нежеланны. Вы первые это озеро увидели.

– А они выбрались отсюда? – осторожно спросил Прозор. – Радужный Путь их обратно выпустил?

Его с самого начала неотвязно преследовала мысль – как выбраться из этого странного, непонятного места. И вот хозяйка лесного озера, кажется, сможет прояснить мучившие его сомнения, развеять тайну и снять постоянное ожидание неведомой беды. Ах, как богатырю хотелось скорей вывести отсюда княжича, вернуться в свой родной лес, в Альтиду!

– Конечно... – твердо ответила Неждана. – Тут их нет – значит, смогли выйти. Те люди были корыстны – получили, чего хотели, и ушли.

– Фу-у... – облегченно выдохнул Прозор. – Ну, спасибо на добром слове, хозяйюшка!

– Погоди благодарить, охотник. – Неждана высоко подняла тонкую соболиную бровь. – Ты не знаешь, какой ценой им удалось это сделать.

– А что, за проход сквозь Радужный Путь надо что-то платить? – поинтересовался Борко. – Что надо дать? Кому и сколько? Проясни пожалуйста.

Простой парень не понимал, что иные вещи не измеряются какими-либо ценностями.

Глаза Нежданы потемнели и в них будто полыхнула молния.

– Цена выхода отсюда велика, охотники! И лучше вам ее не знать! Ее назначает повелитель тех, кого вы видели сегодня утром. Это не ящеры. Это бескрылые птицы смерти. Те, кто восседал на этих птицах, не люди – колдуны, их зовут всадники мрака. Горе тому – кого они встретят на своем пути! Вам благоволит судьба, венды, – вы с ними не столкнулись.

Прозор чувствовал, как помимо воли спина покрылась потом. По телу пробежал озноб. Уж больно значительно произнесла эти слова Неждана. Борко и Милован застыли над своими мисками. У старика Любомысла округлились глаза и медленно приоткрылся рот. Память подсказывала, что он слышал об этих существах. Когда и что – вспомнить не мог. Любомысл попытался проглотить возникший в горле ком, но не удалось – по шее судорожно бегал кадык. Лишь княжич Добромил отнесся к словам Нежданы спокойно – мальчик ничего не понимал.

– Бескрылые птицы смерти, всадники мрака... – шептал Любомысл. – Ох, точно не припомнить... В одной дальней южной стране о них рассказывают страшные вещи. Кажется, никто не может с ними совладать. Неужели это они? Откуда здесь потустороннее? Ведь от наших лесов, от Альтиды их отделяет лишь Радужный Путь! А если пройдут! Ох, беда! И еще я слышал о горящих призраках.

– Да, тут есть и они. – Неждана расслышала шепот старика. – За всадниками мрака шли десять существ в серых балахонах. Это не люди – это горящие призраки. Они не так опасны, как всадники мрака и бескрылые птицы смерти.

– Почему их называют горящими призраками? – Прозор справился с волнением. – Ведь призраки выходят ночью. Они боятся света. Днем их быть не должно!

– От света их охраняют серые балахоны. Если солнечный луч найдет щелочку, то эти существа вспыхивают жарким пламенем...

Неждана не договорила. Внезапно на печи истошным мявом завопил кот Баюн. Его крик был так страшен и дик, что Добромил вздрогнул. Княжич не знал, что коты умеют так вопить. Мяв перешел в завывание, затем в шипение и постепенно затих...

– Успокойся, Баюн! Они сюда не придут, – ласково сказала Неждана. – Не кричи. Иди сюда – Добромил тебе спинку погладит, за ушком почешет. Приласкай его, княжич. Вижу, любишь ты котов.

Баюн не заставил себя упрашивать. Тяжелый кот со стуком спрыгнул с печи и задрал хвост подбежал к хозяйке. Баюн выгибал спину и ластился, будто понимал, что ему говорят. Добромил протянул к нему руку. Кот важно обнюхал ее и позволил для начала себя потрогать. Потом вспрыгнул на лавку и уселся рядом с княжичем.

– Вот видите! – рассмеялась Неждана. – Баюн отважный и никого не боится. А только стоило заговорить о всадниках мрака и горящих призраках, так сразу забеспокоился. Он чувствует зло.

Венды молчали. Сидели ошеломленные, непонимающие. Тайна за тайной! Только угораздило из Древней Башни целыми и невредимыми вырваться, как на тебе! Из огня да в полымя! Куда их занесло? Неожиданно старый мореход что-то сообразил.

– Постой-постой, Неждана! А откуда ты знаешь, что этих горящих призраков десять было? Будто ты сама все видела! Ведь Прозор не рассказывал, как он их встретил.

– Может и видела, а может и нет! – расхохоталась Неждана. – Я же говорю: вы шли – на весь лес вопили! – Потом уже серьезно добавила: – Рассказывал Прозор, там на лесной прогалине рассказывал. Ты вспомни. Он тебя о ящерах спрашивал, а ты припоминал и обстоятельно так отвечал. Тогда Прозор и сказал, что сзади шли десять людей в серых балахонах. Вооружены копьями и щитами.

Любомысл сидел онемевший. Оцепенел и Прозор. Они уже начали догадываться, кто она – Неждана. Понимали пока не до конца, но...

– Это ты нас у странной могилы в старушечьем облике встретила? – напрямую спросил Любомысл. – А потом так же внезапно исчезла, как и появилась?

– Почему в старушечьем? – звонко рассмеялась Неждана. – В одном из своих обличей и показала! А тут решила девицей прикинуться, чтобы молодцев поразить. А то вишь – старухи им не нравятся! Привереды какие! А ведь не подумали, что и старухи тоже когда-то молодыми красавицами были. Верно я говорю? – Неждана прекратила смех и уже серьезно добавила: – Шучу я, шучу. Сейчас я в своем настоящем виде рядом с вами сижу. Не могу я молодой красавицей по хворому лесу ходить. Беда может случиться и поправить ее я уже не смогу.

Милован и Борко застыли и прилипли к скамьям. У Борко кусок застрял в горле. Милован хлопал глазами. Прозор чувствовал, что еще немного и у него начнут шевелиться волосы. Уж больно буднично все это сказала Неждана.

Прозор помнил, как подруга детства, дочка деревенского знахаря рассказывала, что ведьмы могут менять свое обличье. Как правило старухами они ходят днем, а ночью превращаются в красных девиц. Но такое колдовство подвластно только очень сильным и опасным ведьмам. Они после своей смерти становятся нежитью. Выходят из могил. Подстерегают путников в лесных чащобах. Лучше с ними не сталкиваться – даже не каждый волхв сможет одолеть ставшую нежитью ведьму. Их и хоронят-то по-особому. Надо так сделать, чтобы после смерти душа ведьмы могла хоть какой-то покой обрести и живых не тревожить. Ведьмы – это... В общем – Прозор чувствовал себя неуютно и не знал, как вести себя дальше.

Лишь княжич Добромил сидел спокойно и с любопытством ждал, что же произойдет дальше. Мальчику казалось, что ничего плохого случиться не может. Вон, рядом с ним мурлы-

кает кот Баюн, а на шее его витой серебряный ошейник и на лапках – опять же серебряные! – наручи.

В Древней Башне, когда их отряд одолевала вышедшая из болота нежить, мальчик твердо уяснил, что выходцы из Нижнего Мира боятся серебра. Они от него гибнут. И на Неждане серебро надето. Значит, нежити или чего иного – нечистого – тут нет.

Хозяйка будто прочитала его мысли.

– Правильно рассуждаешь, Добромил, – Неждана почесала кота за ухом. Тот выгнул спину, и потянувшись, выпустил когти. – На Баюне серебро есть. Первое средство против злых сил. И я его ношу, – девушка тронула наруч на запястье правой руки. – Так что я не та, за кого меня принимаете. Ошибаетесь, Прозор!

– Так кто же ты? – хрипло спросил побледневший богатырь. – Извини, но знаю, что только ведьмы – людям враждебные – могут вот так перекидываться...

Неждана звонко, заливисто расхохоталась, будто бы испуг сильного и отважного воина ее забавлял. Впрочем, в смехе девушки не было ничего ни обидного, ни злобного. Если она ведьма, то и смеялась бы по-другому! Ведьма бы торжествовала, что сумела заманить в свою ловушку столько глупцов. А у Нежданы смех другой: душевный, располагающий к теплу и уюту. От ее смеха венды успокоились. Кажется, ничего страшного их не ждет.

– Вы же знатные охотники и сильные воины! – отсмеявшись, сказала Неждана. – Так чего же вы опасаетесь! А если бы я даже ведьмой была? Так чего в этом страшного? Ведьма – тоже почти женщина. Или была ею. Только не ведьма я! – Неждана возвысила голос. – Не ведьма. Много выше! Ведьмы смертны, а я... Я в этом лесу давно живу, и счет годам потерян. Помню время, когда ничего в этом мире не было – только голая, плодородная, черная земля, а не эта серая пустошь, что лес окружает. Еще помню тот день, когда сквозь землю пробились первые нежные ростки. Росли деревья, а как зазеленели они и силу набрали, то моя сестра первых зверушек в лес выпустила. Чтобы заполнили они мой мир, мой лес. Чтобы жили здесь и радовались жизни. Дожди лили – поя траву и деревья. Каждый день на краю небосвода вспыхивала радуга... Тогда шла юность моей земли. А сейчас... – глаза Нежданы потемнели. – Сейчас вы сами все видите, охотники!

У Любомысла, уж на что был крепок старый мореход, и чудес немало видел, перехватило дыхание. Не простая эта девушка, Неждана. Ох не простая! Но не ведьма она – это точно! Неужели?!

– Прости на грубом слове! – старик встал и поклонился. – Так кто же ты?

Неждана улыбнулась и показала рукой, чтобы Любомысл сел.

– Не надо этого. Будь таким, каков есть! Отвечу так: люди обо мне ничего не знают. Ни к чему им это. А вот сестру мою – они особо почитают!

Девушка прищурясь глядела на Прозора, Борко и Милована.

– Вы же охотники! Так? Вот и ответьте – кого из богов охотники почитают больше других? Кому особые дары приносят: шкурки соболей, куниц да мясо диких животных?

Ответ ясен. Кого же из богов может почитать вендский охотник больше других? Конечно прародителя зверя, от которого его род пошел. А наособицу чтут богиню охоты Диву. Дива удачу приносит, зверя от охотника в глушь лесную не уводит и позволяет с немалой добычей домой возвращаться.

Тут и до Прозора дошло, кто же эта красавица, которая смело называет богиню Диву своей сестрой!

Богатырь встал и низко склонился. Лицо его полыхало. Он корил себя – расселся тут и речи неучтивые ведет! Еще немного и Прозор бы бухнулся в ноги Неждане. Девушка остановила его движением руки.

– Сядь, Прозор! Будь прежним. Я не она. Я всего лишь ее сестра.

– Прости, – глухо бормотал Прозор. – Но неведомо нам, что у Дивы сестра есть. Никто об этом не слышал...

– А за что «прости»? – улыбалась Неждана. – Это никому не ведомо. Даже не все боги об этом знают. Тайна это. Да – Дива моя сестра. У нас одна мать. Только богиня охоты Дива – дочь Додолы и Перуна. А я просто дочь Додолы и... и одного человека. Но хоть я и дочь смертного, все же вечной жизнью награждена так же, как и другие боги. Людям ни к чему знать, что от них могут рождаться боги. Теперь вы это знаете. Мать назвала меня Дея, а отец называл Нежданкой. Нежданная я...

Венды сидели прилипнув к скамьям. Оставалось лишь безмолвствовать, с обожанием смотреть на красавицу-хозяйку и сдерживать готовые вырваться из груди сердца! Они сидели за одним столом с богиней!..

ГЛАВА 3. О хозяйке потаенной страны

Венды сидели прилипнув к скамьям. Им оставалось лишь безмолвствовать и с обожанием смотреть на красавицу-хозяйку. Сердца их колотились так, будто готовились вырваться из груди. Еще бы! Они не только неожиданно встретили богиню, но сейчас даже сидят рядом с ней! Сидят в ее жилье за накрытым разными вкусностями столом, а она потчует их яствами и ласково беседует с ними!

Милован и Борко таращили глаза. Спины парней взмокли от волнения, пальцы рук подрагивали. О богах, обитающих в ином – Верхнем или, наоборот, в Нижнем Мире, молодцы слышали с самого рождения: даже раньше, чем выучились говорить. Соответственно, почитали их, и по своим возможностям приносили дары. Всегда отдавали самое ценное. Боги не любят скупых. Пожадничаешь – отвернется от тебя удача!

Если бы парни взглянули на себя со стороны, то потом до-олго бы стыдились своего глупого вида. Рты широко раскрыты – будто молодцы скорбны умом; руки не находят себе места; выпученные глаза то в стол уставятся, то на Неждану, то в прикрытое ставнями окно – будто за гладко оструганными дощечками можно что-либо увидеть.

И Прозор с Любомыслом не знали, что говорить и как вести себя дальше. Надо же – богиня! Здесь нужен особый почет, особое уважение! Сподобились!..

Княжич Добромил изумленно хлопал ресницами, а его серые глаза восторженно светились. В наступившей тишине было слышно, как мурлыкал на лавке задремавший кот, который звали сказочным именем Баюн. А может, не сказочным? Может, это и в самом деле тот Баюн, который может ласковые песни петь, и сказы добрые говорить? Княжич не знал, что и подумать.

Хоть лицо богини и выглядело серьезным, но видно – ее зеленые глаза сверкают весельем, а улыбающиеся губы, казалось, вот-вот прыснут безудержным смехом. Видимо, Неждану немало забавлял ошеломленный вид суровых воинов.

– Ну? Что приутихли, люди? Да не сидите вы истуканами! Иль богов не лицезрели? Ну так смотрите! Все то же самое, что и у вас: руки, ноги, голова. Говорю просто, не велеречиво. Да скажите вы хоть что-нибудь!

– Прости, матушка! – бухнул Прозор.

Неждана сдвинула брови, хотя глаза остались веселыми.

– Ох, Прозор! – укоризненно воскликнула богиня. – Ну какая ж я тебе матушка! Неждана я, девушка! Вот и зовите меня, как до сих пор называли – Нежданой.

– Прости, Неждана! – поправился Прозор. – Не знали, не ведали, к кому нас судьба привела. Ввалились к тебе, будто в свою избу. Шумим, белье грязное в предбаннике оставили. За столом, не чинясь, рассаживаем. Мы думали, ты простая девушка, а не богиня.

Богатырь смолк. Что еще сказать в свое оправдание – не знал. Да и глупо оправдываться. Они не сделали ничего дурного. Ведь по вендской правде, что издревле существует, всякий путник мой зайти в любую избу, и встретить там радушный прием, найти пищу и ночлег. Прозор развел руками: мол, так уж получилось.

– А я и есть простая, – сказала Неждана. – Только могу делать много такого, что людям недоступно. Хотя, что это вдруг расхвалилась! – с досадой воскликнула девушка. – Простая я! Простая! Такая же – как вы. Вы ведь когда в избу вошли – сами собою были! Так и оставайтесь сами собой – не чинитесь! Такими вы мне любы, а иначе – не сидели бы тут сейчас... Глянулись вы мне. А что про белье грязное вспомнил, так не поленись, Прозор, выйди поутру и глянь, как с ним бережно обращаться будут.

– А мы тебя за ведьму приняли, там – в лесу... – невпопад бормотал Милован. Ты ж к нам вся в диковинных оберегах вышла. Да и старая...

– Это ты за ведьму принял, – встрял Борко. – Я думал, с лешачихой свидеться довелось.

Неждана опять заливисто расхохоталась: мол надо же, кем помстилась молодым парням. Да, всякое случается!.. Смех ее долго не умолкал. Как успел заметить Любомысл, богиня оказалась такой же смешливой как простая девчонка. Им тоже – лишь бы позубоскалить!

Отсмеявшись, девушка сказала: – Ну вы и выдумали, молодцы! Добро – за русалку бы приняли. Они-то часто в людском обличье гуляют. Им это нравится. Но лешачиха?! Да она никогда не выйдет и не покажется людям! Зачем ей?

– А русалки такие же красивые, как ты? – спросил Милован. – Никогда не видел...

– Еще красивее, – серьезно ответила Неждана. – Погоди, придет время, и увидишь – какие они, русалки.

– А я ведь знаю, кто нас на вершине горы об опасности предупреждал! – воскликнул вдруг Добромил. – Ты, Неждана! Верно? Помните, – мальчик возбужденно глядел на друзей, – нам голос слышался? Казалось, что трава шепчет, ветер ей вторит, листья деревьев шелестят – чтобы мы уходили. А потом будто бы с небес крик донесся, предупредил что за нами идут! Я тогда этот голос уже слышал! Это ведь ты, богиня, от меня вестника Мораны отогнала, с ней самой неласково говорила и меня из пекла вытащила! Только сейчас я твой голос не сразу узнал, но уверен – это ты была нашей защитницей!

– Да, княжич. Это я... – просто ответила Неждана.

От слов княжича Любомысл опешил. Какое пекло? Причем тут богиня смерти Мораны? Старый мореход ничего не понимал. Не могли взять в толк слова княжича и молодцы. Неведомый шепот и далекий крик с небес они слышали, это так. А вот пекло?.. Лишь один Прозор помрачнел. Он, когда гнался за княжичем, сам неизвестно как очутился во тьме, холоде и видел зарево костров на краю небосвода. Богатырь тогда сразу понял, что это царство Мораны. Неизвестно – как в нем очутился, неизвестно – как из него вырвался.

Любомысл прокашлялся, собираясь с мыслями. Старик волновался – эх, табаку бы искурить, чтоб сердце успокоить! Но в горнице он этого делать не станет – дым слишком едок. Потом покурит, на воле, на ночной прохладе. О чем бы для начала спросить? Так удобно ли богиню вопрошать? Что ей ничтожные людские дела? У богов иная жизнь, иные заботы. Ох, велик искус! Ведь можно выяснить, как устроен мир, жизнь! Старый мореход решил начать с малого: разговорятся, там и иные тайны приоткроются.

– Проясни, Неждана, почему мы здесь очутились? Что нами вело? Ведь не просто так волшебный туман – Радужный Путь – пред нами открылся.

Богиня молчала, испытующе оглядывая вендов, будто решала, нужно ли людям это знание. Вздохнув, неторопливо, мягким голосом, начала говорить:

– С изначала времен, тогда, когда Род создавал все сущее, земли были иными. И эта – что принадлежит мне, и ваша – откуда вы пришли. Все выглядело иначе: иные земли, иные миры, что лежат рядом. Знайте, охотники – их великое множество. И в них тоже живут люди, которые в те времена были другими – и чище душой, и благороднее духом. И боги часто спускались с небес, чтобы помогать людям в их делах. Ведь тогда они могли говорить с богами так же, как сейчас беседуем мы. Миры связывали те Древние Дороги, остатки которых есть и в вашей земле.

Венды внимали. Ведь одно дело – рассказы Любомысла, что миров много, другое – это подтверждение его слов из уст богини.

– Но так было не всегда, – продолжала Неждана. – Род всемогущ, он вечен и он создал все. Но есть он, и одновременно с ним существует вечное изначальное зло. И Род с ним бился. Вечность и вечность продолжалась борьба. Одержатъ верх не мог никто.

– Что есть изначальное зло? – спросил Любомысл. – Темные силы?

Неждана отрицательно покачала головой.

– Нет, хуже. Безумие, беспорядок. Ты ходил по миру старик, и знаешь, что в иных землях это называют хаосом. Это зло – хаос.

Любомысл кивнул. Он слышал это слово. Старик все понял. Да – хаос действительно страшнее злых сил.

– Что-то я не понимаю, – пожал плечами Прозор. – Как безумие может быть злом? И беспорядок?..

– Эх, Прозор! – с укоризной воскликнул Любомысл. – Сейчас ночь, и в лесу лето. И вот представь: вдруг – ни с того ни с сего – опять настал вечер. И не просто вечер – а зимний! Или ты бьешься с врагом, и вдруг видишь, что перед тобой друг. Что тогда? Это и есть безумие, когда все меняется и ты не знаешь, что тебе делать.

Богатырь кивнул. Понял – и самом деле это плохо.

– Род создал богов, – сказала Неждана. – Они помогали ему в борьбе с хаосом. Но безумие тем и сильно, что невозможно предугадать, как оно поступит в следующий миг. Хаос завладевал разумом богов, и они становились на его сторону. Зло повелевает ими и сейчас. Ведь хаос существует от начала времен, и уничтожить его нельзя. Он так же вечен – как вечен Род. Наконец, Род и боги одержали победу и смогли выбросить безумие из миров. И сейчас хаос блуждает в межмирье. Его нет нигде, и все-таки он есть. Это случилось задолго до того, как боги создали людей...

Любомысл кивал. Старый мореход все понимал. Милован и Борко морщили лбы, но тоже вроде кое-что уразумели.

– Ты, Любомысл, спросил – почему вы здесь очутились? – мягко сказала Неждана. – Так вот, я рассказала о хаосе не просто так. Слушайте, что случилось дальше. Как только исчез хаос, и в мирах воцарился порядок и они зацвели. Род создал людей. В те времена не было войн, не было ни голодных, ни бедных. Никто не желал друг другу зла. Все люди были равны меж собой. Но вот как-то один человек возжелал большего, чем дали ему боги. Он захотел великой власти. Его сообщниками овладела жадность. Чтобы получить то, что им хотелось, они каким-то образом смогли ненадолго выпустить из межмирья хаос. И тогда опять произошла великая битва между богами и безумием. После той битвы мир изменился. Древние Дороги, которые создали боги для того, чтобы легко попадать из одной земли в другую, запечатали. Теперь места перехода из земли в землю скрывают облака густого волшебного тумана – Радужного Пути. Миры богов и людей разделились. Наступил покой. Он продолжался тысячи и тысячи лет. Но всему приходит конец, и вот кто-то снова выпускает хаос в миры. Видать, не до конца боги выкорчевали посевы безумия. Теперь они снова взошли, набирают силу, и хаос пытается овладеть мирами.

– Значит, будет битва? – спросил Прозор. – Боги и люди объединятся?

– Нет, – отрицательно покачала головой богиня. – Сейчас боги бессильны перед злом. Для того, чтобы выбросить хаос в межмирье, Роду надо уничтожить все созданное. Все погибнет, если начнется битва.

– А где выход из его логова? – спросил Любомысл. – Откуда зло выпускают?

– Оно начнет свое шествие по мирам отсюда, из моего леса, – тихо сказала Неждана. – Наверно, уже немного осталось до этого дня, а, может утра, или скорее ночи...

Заметив, что дружинники забыли про еду и сидят мрачные, Неждана улыбнулась: – Да вы ешьте, угощайтесь. Может, не скоро это время наступит! На ваш людской век времени хватит. А если случится, что ж... – Девушка пожалала плечами: – Чему быть, тому и статься.

– Погоди, Неждана! – возмущился Прозор. – Что значит – чему быть, тому и статься! Нельзя же так сразу покоряться. Бороться надо! Биться! А что же боги? Они совсем бессильны? Пусть запрут беду так, как сделали встарь. И люди им помогут! Не все же слуги хаоса. Уверен – их мало!

– Эх, Прозор! Твоими бы устами да мед пить! – тихим горьким голосом отозвалась Неждана. – За это время хаос набрал силу и богам нельзя приближаться к нему. Иначе он подчинит их и тем самым увеличит свою мощь. Боги уже не могут победить безумие. Не могут! Хаосу помогают. Если бы он существовал сам по себе, то было бы проще. Ну у него появилось много слуг. Такое происходит во многих мирах.

– Служат люди? – спросил Любомысл. – Или колдуны?

– Не те и не те. Когда-то они были людьми, родились ими. Сейчас они иные. Нелюди.

– Это как? – недоверчиво спросил Прозор. – Мертвецы?

– Пожалуй – да. Выглядят как люди, но души у них нет. Она принадлежит хаосу.

– Так что же делать... – растеряно протянул Любомысл. – Неждана, я как-то не могу это осознать.

– У нас в Альтиде этих слуг нет! – брякнул Прозор.

– Я и не говорю, что они есть в Альтиде. Я сказала – в других мирах. Хотя на вашей земле есть служители хаоса. И иногда они проникают сюда.

– Сюда? – недоумевал Прозор. – Но ведь это твой лес, богиня! Это твой мир!

– Он когда-то был моим. А то, что от него осталось... – не договорив, Неждана махнула рукой. – Это уже не мой мир, и не мой лес. Он сопротивляется, но вы видели покрытые серым налетом кривые деревья. У корней и по ветвям их растет невиданная доселе плесень. Меняются звери. Озера, которых было так много, превратились в болота. Теперь пересыхают и они. Хаос волнами накрывает мой мир, и каждый раз в нем что-то меняется. Как только он победит остатки моего леса, и меня не станет, то зло пойдет в другие миры. Этот лес – самое главное препятствие на его пути. Гибель моего мира – начало конца...

Молодцы, широко раскрыв глаза, слушали. Парни мало что пока понимали. Но о том, что миров много, они уже слышали прошедшей ночью. О разных землях, скрывающихся за Радужным Путем, говорил Любомысл. А старый мореход задал неожиданный вопрос.

– Неждана, я понимаю, что есть другие земли. Для этого не надо быть мудрецом, достаточно лишь взглянуть на ночное небо. Ведь звезды на нем, наверно, такие же как наше солнце? И они освещают иные миры. Мореходы давно об этом догадываются. Я прав?

Неждана кивнула: мол, все правильно, продолжай, Любомысл.

– И как же хаос может дотянуться до них?

– Постой, постой, Любомысл! – встрял Прозор. – Ты что, хочешь сказать, что бог Хорс не один? Их много? Такого быть не может!

Любомысл замялся, этого он не знал. Пояснить не мог и догадок у него не было. Старому мореходу помогла Неждана.

– Солнечный Хорс один, Прозор. Просто он многолик. Так же, как он освещает твою землю, твой лес, он светит и в иных землях. И боги многолики. Все просто. Представьте себе огромное дерево, и на этом дереве бесчисленное множество листочков. Эти листья и есть иные миры. Они все соединены между собой одним стволом. И если корни этого дерева поразит гниль, то погибнет вся листва... Корни – это моя земля.

– Мне все понятно, – сказал Любомысл. – А тебе, Прозор? Княжич, ты как, понял? А вы парни?

Спутники закивали. Куда уж проще! Сколько раз видели, что если повреждены корни, то большое дерево листья сбрасывает, а потом ствол усыхает. Только пока в голове у них не укладывалось, как это миры соединяются? Где? Невдомек...

Поняв сомнения вендов, Неждана пояснила:

– Земли невидимо соединяются. Неощутимыми переходами. Вы же ведь даже не сразу поняли, как сюда попали. Верно? Разве заметили что-нибудь необычное? Нет! Просто скакали по дороге. Туман по ее краям видели. А как обернулись, то он уже сгустился и обратно вас не выпустил. Просто ваш мир и мой лежат на одной ветви. До других пришлось бы дальше

добираться. Это вы встали на одну Древнюю Дорогу. Будь она в ином месте, то может, попали бы в иной мир. Хотя... – Неждана пожала плечами, – хотя они давно закрыты.

– В морях дороги есть, – сказал Любомysl. – Корабли, бывает, попадают в иные земли. Тоже проходят сквозь Радужный Путь. Я уже говорил об этом. Помните?

Венды помнили. Слушать рассказы старого морехода они любили, запоминали все, что рассказывает.

– Нет, Неждана, когда мы подъехали к туману и он перед нами распахнулся, кое-что я все-таки ощутил, – сказал Прозор. – Показалось, что отсюда непонятным злом веет. Не успел предупредить, как жеребец княжича вдруг сбесился и понес Добромила. И вот мы тут...

Богиня кивнула:

– Да, это волны безумия. Сейчас они затихли. Два дня назад хаос вновь стал прорываться из межмирья. Он вышел и еще больше расширил серую пустошь. Ее вы видели с горы. Лес сократил свои размеры. Появились новые невиданные твари. Так же одновременно зло вышло и в других местах.

От внезапно нахлынувшего волнения Любомysl чуть не задохнулся!

– Два дня назад?! – воскликнул старик. – И у нас тогда невесть что творилось! Ночью, что мы провели в Древней Башне, напротив древнего болота – Гнилой Топи! Неждана, в ту ночь из болота вырвалось нечто несусветное! Нас одолевали невиданные твари, нежить! Мы чудом живы остались! – Не в силах совладать с возбуждением Любомysl ткнул Прозора в бок: – Понял, Прозорушка? Вот что это было! Хаос в наш мир выходил из болота, в наш лес! А вы поняли, молодцы?

Борко и Милован сидели раскрыв рты. В разговор парни не вмешивались. То, о чем говорят, пока до них доходило смутно. Вроде бы все ясно, но вот какая-то тонкая ниточка ускользала от их понимания. Молодые охотники до сих пор поражены, что рядом с ними – за одним столом! – сидит богиня. Сестра богини охоты – Дивы! Они у нее в гостях! Такое даже вряд ли может присниться! А Неждана особая: даже и не скажешь, что она из мира богов. И ладная, и простая. И еще очень-очень красивая. Богиня чем-то неуловимо походила на девушек из вендских деревень.

Остальное молодцы слушали краем уха и, соответственно, из застольной беседы понимали не все.

– Неждана, – спросил вдруг Добромл, – скажи, когда хаос вырывался? Днем или ночью?

– Днем, княжич. В этот раз днем. Хотя раньше все по ночам происходило. Видимо, теперь и при свете может. Я его сдерживала, как могла. Но силы мои на исходе. На своем пути зло все перемальывает в труху. Если бы вы вышли в пустыню, то увидели бы его следы: там лежит серый, легкий как пепел, колючий песок. То, что находится вблизи него – меняет свой облик, а затем гибнет. От леса осталось лишь зеленое пятно, которое вы видели сверху. Скоро исчезнет и оно. Исчезнет это озеро – превратившись в болото, затем и топь высохнет. Звери превратятся с уродливых страшилищ. А я стану старухой. В этом облике вы меня видели. Там, где начинает властвовать безумие, я не могу появляться в обычном облике – девушкой. А потом... потом я наверно умру. Я не стану служить хаосу, и уходить мне некуда. Это моя земля, мой лес! Я буду бороться, и сдерживать напор хаоса. А потом, когда он приблизится, я попрошу богиню Морану подрезать нить моей жизни. Вы знаете, – скорбно улыбнулась Неждана, – ведь и боги могут умереть, если пожелают. Мы не вечны. Великий Род разрешает нам делать это. Вы, люди, после смерти попадаете или в Ирий, или в Пекло. Все по делам вашим. А боги просто исчезают, их ждет забвение. Порой мы можем уйти в иной мир. Так поступил крылатый пес – Семаргл. Он пропал после второй битвы с хаосом. Мне же уходить некуда. Хаос будет везде. А потом зло овладеет Ирием. Уничтожит пекло. Все исчезнет в сером небытии. Угаснет солнце. Исчезнут боги. Никто не станет служить ему. Даже Чернобог. Да и не нужны злу слуги. Хаос повелевает сам собой, ведь он безумие.

Неждана говорила о страшных вещах. Отважных вендов не пугала смерть, они боялись другого. Как это не станет Ирия? Неужели исчезнет их величественный лес? Зачем тогда вообще жить? К чему стремиться?

Любомысл мрачно уставился в пол. Старик размышлял. Хотя, что он мог придумать на скорую руку? Молодцы молчали. Если б им показали врага, приказали – парни, в бой! – они бы не размышляли. Но враг оказался слишком могущественен. Вон, даже боги не могут с ним совладать.

– Неждана, а как это все началось? – взмолился Прозор. – Почему хаос смог выйти? Можно ли загнать его обратно? Ведь нельзя допустить, чтобы все исчезло! Вы же боги! Неужели нельзя совладать с этим злом?

– Может и можно, воин. Только я не знаю как. А началось все это около тысячи лет тому назад. Тогда, сквозь Радужный Путь, в мой лес вошел колдун. Он оказался сильным и хитрым. Свои мысли он ловко скрывал и смог обмануть меня. Я не догадывалась, кто он такой и что ему здесь нужно, настолько неуловима оказалась его суть. Колдун пришел сюда из полуденных земель. Колдовство его было скрыто и сильно. Выглядел он обычным человеком, хотя был бледен. Странно, да? Ведь те, кто живет в жарких странах – смуглы. Этот же казался выходцем из могилы. И одежда ему подстать. Но пусть она чудная, мало ли кто как одевается. Каждый волен носить то обличье, которое любо. Даже боги рознятся своим видом. А уж люди – подавно! Да, – голос Нежданы задрожал от обиды, – я не смогла распознать, кто он такой на самом деле. А когда поняла – было уже поздно... Ах! Мне бы попросить о помощи! Пускай Перун испепелил бы колдуна своими синими молниями, или Хорс сжег его золотыми лучами! Или моя сестра Дива пусть пронзила бы его своими калеными стрелами! Но, нет... Я оказалась самонадеянна, я думала, что сама совладаю с колдуном. Мне не удалось это сделать... Тогда я не знала, что за пришлым колдуном уже стояла сила зла.

Тут лицо Нежданы омрачилось застарелой болью. Богиня не могла простить себе давней ошибки. Голос ее стал тих, в нем сквозила печаль: – Вы должны знать, венды. Далеко на закате, там где когда-то простирался мой лес, есть врата в межмирье. На них наложена закрывающая проход печать. За вратами, в ожидании того мига, когда они снова смогут выйти из пустоты, обитают древние служители хаоса. В сером сумраке царит грохот невидимых барабанов и нестройный пронзительный визг рожков. Под этот нескончаемый грохот, без цели и мыслей, там неустанно ковыляют слепые, лишённые разума боги. Их силу забрал хаос. Забрал, а взамен дал надежду, что придет время, и они снова воцарятся в мирах. Этого мига боги ждут, хотя не понимают – зачем? Ведь они безумны...

Неждана замолчала. Глаза богини сверкали, а кисти рук сжались в кулаки с такой силой, что побелели костяшки пальцев

– Неждана, это ведомо всем богам? – спросил Любомысл. – Среди людей вряд ли кто об этом слышал. Сколь лет по свету бродил, сколь разных историй выслушал, но даже намек на такие страсти не было.

– Да, боги об этом знают, – с горечью ответила Неждана. – Вот только поделатъ ничего нельзя. Я говорила – они уже не могут совладать с хаосом.

– Почему? Оттого, что у него есть слуги? Те, у которых нет души? И еще безумные боги? – спросил Добромил.

– Да, княжич. Хаос набрал силу. Если он хоть краем коснется любого из богов, то тот тоже лишится разума и подчинится ему. Будет бродить в межмирье. А хаос, получив его силу, увеличит свое могущество. Богам нельзя к нему приближаться. Вы видели меня утром в лесу, тогда я приняла облик старухи. Думаете мне нравится эта ипостась? Ничуть! Но я ничего не могу поделатъ – там, где зло изуродовало лес, я, помимо воли, обращаюсь в старуху. Я могу ходить по лесу, но в пустыню выйти не могу. Если появлюсь там, то сразу же стану частью хаоса и пополнию сонм безумных слепых богов...

– Неждана, ты говорила про печать, что закрывает врата в межмирье, – сказал Любомысл. – Расскажи, что это за печать, что за врата?

– Когда хаос был побежден во второй раз и выкинут в пустоту, то на место, где находятся врата в межмирье, Род наложил свою могущественную печать. Уничтожить ее не смог бы ни могущественный бог, ни, тем более, простой смертный. Но колдун полуденных стран смог повредить печать Рода. Как ему удалось это сделать – загадка. Видимо он уже принадлежал хаосу, стал его служителем. Колдун смог вырезать из камня небольшой кусок. А потом он сделал из него книгу заклинаний. С ее помощью можно вызывать иных слуг хаоса, пользоваться его могуществом. Но погубить то, что создано великим Родом, нельзя. Печать Рода повреждена, но не уничтожена. Она до сих пор держит врата, они лишь ненамного приоткрылись. Но время идет, с каждым днем ее могущество истончается.

– Почему? – спросил Любомысл.

– В этом виноваты люди.

Старый мореход пожал плечами. Ведь людям не под силу менять сделанное богами, а особенно Родом, создателем мира.

– Что они делают? – недоумевал старик. – Ведь ни человеку, ни даже могущественному колдуну не подвластно менять волю богов. Ты сказала, что колдун полуденных стран не смог уничтожить печать, а только ее повредил, сделав книгу, и врата пока всего лишь приоткрыты.

– Да, это так. Но за книгу шла битва. Она не уцелела и оказалась разъятой на части. Листы ее разлетелись по мирам. Я говорила, что земли соединены. В любой из них есть место, где они соприкасаются. И так же в любой из них есть врата–двойники. Печать одна, тут. А врат много. Если на их месте происходит нечто злобное, то хаос набирает силу. А потом – иной раз плавными волнами, иной раз рывками – выходит из межмирья. Миров много, и в каком из них это произойдет – неизвестно. Но крикни в одном – аукнется во всех.

Прозор смущенно pokrutil головой.

– Как-то не очень понятно, Неждана. Не осознать...

– А чего тут непонятного! – воскликнул Любомысл. – Все просто. Врата есть в каждом из миров. Тронешь одни – затронешь и другие. Вот представь себе сбрую нарядную, – Любомысл вздел руки, поясняя, какую должна быть богатая конская упряжь. – Эту сбрую какой-нибудь купчина на своего рысака по праздникам надевает. Сбруя расшитая, вся блестит и ломится от золота и серебра. И еще на ней бубенцы висят. Тронь один из них – и другие зазвенят. Так же и врата, что хаос запирают. Потревожь одни – другие отзовутся, во всех мирах, – заключил старый мореход. – Так, Неждана? – Любомысл хитро прищурился.

Богиня, разведя руками, кивнула. Любомысл хорошо пояснил, просто и понятно. Но Неждана все-таки уточнила.

– Все верно, Любомысл. Только самые главные врата тут, у меня. Остальные лишь слепок с них. Только тут хаос может прорваться. Только тут его можно сдерживать. Но, выйдет он тут – выйдет и в остальных мирах.

– Все понятно, – заключил Любомысл. – Чего уж тут не понять! А для вас молодцы поясню особливо. На сбруе, среди бубенчиков, есть еще самый большой да важный бубенец. Он обычно посерединке на груди коня висит. Не бубенец, а целый колокол! Вот он-то и гудит громче всех, да остальным свой звон передает. Так вот, этот главный бубенец-колокол здесь, на земле Нежданы.

Любомысл повернулся к молчавшим, державшим в руках по куску пирога, парням. – Уразумели? Или еще пояснить? Тогда представьте, что камни в озеро бросаете. Куда ни брось – круги все равно до любой части берега дойдут. Понятно, отроки?

Отроки вздохнули, переглянулись и дружно закачали головами. Мол, понятно. Неждана, улыбаясь, смотрела на парней. Ничего, разберутся. Дело нехитрое... Эка невидаль, узнали, что земля не одна, а много. И что все они друг с другом связаны. Разберутся!..

– Вы ешьте, ешьте, молодцы! Мотайте на ус, да не отвлекайтесь. Это мы промеж себя беседу ведем, – сказала Неждана. – Может, и удумаем чего-нибудь нового. Вон, Любомысл, соображать-то как горазд! Пока я разбиралась, как растолковать доходчивей, он сразу смекнул – как надо, и про бубенцы, коими купец своего жеребца украшает, ввернул.

Старый мореход зарделся, смущенно улыбаясь. Похвала богини была ему приятна.

– Да ведь и ты, Неждана, если бы не сказала, что миры как листва на дереве, то и я не сразу бы понял. Это ты нас вразумила! Тебя благодарить надо, многое мы теперь знаем. И скажу вам вот такую вещь. – Тут старик стал серьезен и горделиво расправил плечи. – Я ведь догадываюсь, где слепок с главных врат в межмирье на нашей земле находится!

– А ну-ка, ну-ка! – загудел Прозор. – Говори, друг! Шчас проверим, верна ли моя догадка?!

– И я кое-что сообразил, – воскликнул княжич. – Говори, Любомысл!

Лишь молодцы молчали, они жевали вкуснейший пирог и запивали его киселем. А с набитыми ртами много не скажешь. Но на слова старого морехода парни откликнулись – дружно закивали, мол и мы тоже кое-что знаем.

– Вот что я думаю. Врата в межмирье на Гнилой Топи находятся. И позапрошлой ночью у нас, а у Нежданы днем, хаос и выходил! Поняли? Может, он и в других мирах прорывался, но это мы вряд ли когда-нибудь узнаем. И вот какие у меня соображения появились. Главные врата здесь. Надо их закрыть, и тогда ни здесь, ни в других мирах это зло больше не выйдет! Верно, Неждана? А вы что скажите, други?

– Надо закрыть, – сумрачно сдвинув брови, кивнул Прозор. – За друзей отомстить, которые позапрошлой ночью погибли...

– Ох, воины! Смелые вы! – воскликнула Неждана. – Все так! Закрыть надо! Только ведь я говорила, что боги бессильны. Хотя... – зеленые глаза богини сверкнули: – Хотя люди могут то, что уже неподвластно богам!

Любомысл, сомневаясь, смотрел на Неждану. Мол, как это люди могут, если даже боги не могут к вратам приблизиться?

Увидев недоуменный взгляд старого морехода Неждана сказала: – Зря сомневаешься, Любомысл! Добро всегда сильнее зла. И добрый человек, зла другим не желающий, сильнее того, кто злобой пропитан, и только о ней и мыслит. Так с испокон повелось. Не нами это придумано, это Род так сделал. А ведь хаос – это безумие, а безумие – зло. Не сомневайся!

– Я не сомневаюсь, только тут думать надо. Крепко думать! С наскоку не возьмешь!

– Утро вечера мудренее, – махнул рукой Прозор. – Видно будет...

– Да, – согласилась богиня, – всему свой черед. Опасно это, идти в место где хаос силу набрал. Но люди могут туда проникнуть. Если у человека душа тверда, не несет он в ней ничего дурного, то не зацепит его зло. Безумие с тем совладеет, кто тянется к нему. Кто власти, золота хочет с его помощью добыть. Это-то он получит! С лихвой! Только расплата за несправедно нажитое тяжела...

– Ладно, обдумаем это дело, – кивнул Прозор. – А пока расскажи, как все дальше случилось? После того, как колдун повредил печать?

– Он сделал книгу. Но печать Рода не простой камень! Как только книгу вынесли из моего мира, то она рассыпалась. Листы разлетелись. Куда – колдун не знал. Так что целиком заполучить книгу ему не удалось. Только несколько листов. Иначе, он выпустил бы хаос из межмирья. Протекли столетия, стало забываться то, что когда-то в мой лес заходил этот колдун. Мой лес простирался до края небес. Там, где сейчас серая пустыня и дальше, стояли деревни. В них жили чистые душой люди – могучие воины, бесстрашные охотники. Иногда сюда заходили волхвы, они искали знания... Лес цвел. И я сливалась с ним. – Тут богиня улыбнулась: – Как вы думаете, откуда я все о вас знаю? Откуда мне ведомо, что вы говорили? Просто частица моей сути есть в каждом дереве, в каждой травинке... Раньше в моем лесу зверям было раздолье. Они выбегали мне навстречу. Сейчас их осталось мало, и они пугливы: не понимают, откуда

ждать беды, прячутся. Порой я объезжала свою землю, сидя на спине могучего быка-тура. Мне это нравилось...

Увидев, как при этих словах заблестели глаза молодцев, Неждана, улыбаясь покачала головой: – Знайте, моей сестре – богине охоты Диве – не нравится, когда ради нее убивают зверей. Ей не нужны приношения, не нужны кровь и страдания. Ей не нужны ни шкурки, ни мясо. Ведь она сама может добыть все, что только пожелает. Доброму охотнику богиня поможет без жертв в ее честь, а злобному и жадному...

Заметив недоверчивые взгляды вендов Неждана махнула рукой: – Дурной человек ничем не сможет отдариться, благоволения Дивы не получит и удачи ему не будет. Так что, охотники, не делайте этого – не приносите ей жертв. Просто будьте добры к лесу и к его жителям. – Богиня взглянула на благоговейно внимавших ее словам Борко и Милована. Лукаво улыбнулась: – Я знаю, вы мечтаете выйти на бой с туром и добыть из его спины пояс. Не надо убивать зверя из-за одного ремня! Если вы мечтаете об этих поясах, то я попрошу Диву. Она даст их вам. Хотите?

Еще бы молодцы этого не хотели! Хотели, да еще как!!! Они радостно закивали. Еще бы – получить заветную мечту из рук самой богини охоты! Уж точно – таких поясов больше ни у кого не будет.

Прозор нахмурился и зыркнул на парней так, что с лица их мигом сползли лучезарные улыбки.

– Ишь чего! – пробасил богатырь. – Без труда турьими поясами овладеть захотели! Ты уж прости меня, богиня. Но только ни к чему этих увальней баловать. Такую вещь заслужить надо! Если не в поединке с лесным быком, то хотя бы иным подвигом. Рано им, – мрачно добавил он, – пусть заслужат...

Любомысл держал чашку на вытянутых руках, пил квас. Казалось, весь отдался этому занятию: глотнет и прикроет глаза от удовольствия. На самом деле, больше удовольствия ему доставляла беседа. Старому мореходу этот пояс не нужен, его дела за себя говорят. Интересно, что ответят Прозору молодцы? Старик-то знал, как они вождедеют турьи пояса!

Вместо них сказала Неждана. Богиня встала, подошла к Прозору, положила руку на его плечо и проникновенно произнесла: – Они заслужат пояс. Уже тем заслужат, что туру жизнь сохранят. И я за это спасибо скажу, и Диве в радость. А другие подвиги у них еще впереди! А с такими поясами их легче совершать. Ведь верно, молодцы?

Можно и не спрашивать! Борко и Милован хоть сейчас готовы были броситься в ночную пустыню за лесом и там рубиться с неведомыми слугами хаоса. Они заслужат, многократно заслужат! Пусть богиня не сомневается!

Неждана же, снова став серьезной, продолжила рассказ.

– Так вот, охотники, слушайте дальше. С той поры, как колдун полуденных земель повредил печать, пролетели века. Все это время ничего не происходило. И вот, несколько десятков лет тому назад, я почувствовала неладное. Там, где находилась запирающая врата печать, стали происходить непонятные и страшные вещи. Одна из ночей огласилась заунывным воем. Он был таков, что на деревьях дрожали листья, а звери, проснувшись, бежали прочь от того места. Вой доносился даже сюда, до этого озера. Сев на своего тура, я погнала его туда, откуда неся вой – к вратам. Ведь я хозяйка этой земли, мне нужно ее оберегать! Навстречу бежали звери, воины же из окрестных деревень готовились к битве. Но кто враг, они не знали. И вот, я подъехала к месту, где находятся врата. Там, вместо большой зеленой поляны появилось топкое болото: пока – в ту ночь – еще небольшое. Посередине него я увидела каменную печать Рода. А рядом с ней, будто пробитая в воздухе, зияла рваная дыра, и по краям ее пробежали лиловые сполохи. Это появился провал в пустоту, в межмирье. Я поняла: там хаос. Там безумие.

Венды затаили дыхание. Поистине богине говорила поразительные вещи. Можно прожить сотни лет и никогда такого не узнать. Но от следующих ее слов у них шевельнулись

волосы, а Прозор вдруг почувствовал, как диким ударом стукнуло в голове и сразу же заломило виски.

В памяти отважного венда яркой молнией вспыхнуло воспоминание о том, как в детстве, он неразумным мальчишкой отправился на древнее болото – Гнилую Топь – добывать цвет папоротника. Неждана говорила до боли знакомые ему вещи.

– Это были мертвецы... – тихим голосом рассказывала богиня. – В ту ночь их было немного, и появившееся болото занимало лишь поляну вокруг камня-печати. Они шли к ровному провалу и исчезали в нем. Я видел – они упираются, не хотят идти в него, но их вела неведомая сила. Хаос овладел их душами и попутно забрал мертвые тела. Усопшие были обряжены в странные одеяния. Я никогда таких не встречала. Наверно – они из другого, неведомого мне мира. Всех их убили необычным оружием: спереди маленькая дырочка, а сзади будто выгрызено, разнесено страшным ударом. Эти маленькие дырочки, со сгустками запекшийся крови, виднелись на каждом мертвце: на груди, на животах. Чаще в голове, во лбу. К провалу шли люди самого разного возраста. Шли мужчины и женщины...

Прозор слушал и каменел лицом. Неждана это заметила.

– Что с тобой, охотник?

– Ничего, – пытаясь совладать с болью в висках ответил венд. – Просто вспомнилось.

– Что? Тоже что-нибудь знаешь?

– Да. Видел я такое. Думаю, это наше болото много лет назад в твоём мире появилось!

– Гнилая Топь? – сразу догадался Любомысл.

– Она, проклятушая.

– Прозор, расскажи, что знаешь, – попросила Неждана. – Может это важно. Только в моей земле это происходило давно, тебя тогда на свете еще не было...

И Прозор, впервые за всю свою жизнь, поведал о том, что приключилось с ним в детстве. О том, как он отправился на Гнилую Топь. Как нашел растущий близ болота папоротник и, оберегая его от лесной нечисти, огородил кругами. Как незаметно для себя уснул, а проснувшись, увидел, что у края болота стоят мертвецы...

– Им не я был нужен, – заключил богатырь. Они будто молили о чем-то. Будто хотели на берег вступить, вырваться из топи. Раны на них точь в точь, как ты описываешь: маленькие дырочки, а сзади будто вырвано. И одежда на них невиданная. Только уже истлевшая. Последнее время я часто вижу их ночами, во сне. Мне кажется, они хотят утянуть меня в болото. А что было дальше, Неждана?

– Дальше я увидела, что болото разливается. Вода подступала к копытам тура. Что-то подсказало мне – это опасно. Я развернула быка и погнала его прочь. Надо сообщить богам, что случилось у врат, попросить их о помощи! Но тщетно! Я ничего не успела сделать! Я увидела, что болото разливается и гнилая вода преследует нас. Тур бежал, а мутная вода ревела и клекотала сзади! Казалось, вот-вот она захлестнет нас своими зловонными волнами.

Впереди стали исчезать деревья. Их будто что-то сжирало! Вот они растут – и вдруг их нет! Вместо них пустошь! Из-под копыт тура вздымалась сухая пыль, они стучали по невесть откуда появившемуся камню. По бокам возникали скалы, у которых будто бы была обрублена вершина. Они двигались и меняли свои очертания! Порой, то вдалеке, а то и совсем рядом появлялись диковинные строения: башни невиданных крепостей, обнесенные глиняной оградой маленькие города и высоченные кольшущиеся здания... Они появлялись, и тут же исчезали в пыльном мареве. С неба летели большие камни и огненные хвосты тянулись за ними, а в моей же земле вдруг оказывались выгрызенными огромные куски и вместо них появлялись провалы в бездну... Это хаос перекраивал миры и менял установленный порядок... Эти огненные небесные камни до сих пор сохранили память о своих мирах. Порой они их показывают и в них можно проникнуть.

– Мы видели такой камень по пути сюда – у болота, – сказал Прозор. – Верно, все так, как ты говоришь: перед нами появился кусок иного мира и в нем мы увидели вырубленный лес. Совсем рядом с нами стоял виновник этого бесчинства. И вдруг окно в иной мир захлопнулось! Эх, не успел выпустить ему требуху!

– И хорошо, что не успел, – ответила Неждана. – Мог бы остаться в незнакомой тебе земле и неизвестно, что ждало бы тебя там... Так вот – тур мчался, а вокруг все рушилось. Земля прямо на глазах исчезала...

Я взмолилась богам, и мой зов был услышан! Мне пришли на помощь. Небо затянулось тучами – это первым подоспел бог Грозы. Перун бил молниями, и сзади грохотал камень. Обернувшись, я увидела, что синие молнии летят в то место, где находятся врата. Бог Грозы останавливал вырвавшийся хаос. Стрибог наслал бурю и сзади до небес вознеслись черные смерчи. Они не давали злу вырваться дальше, отбрасывали его назад. На краю небосвода то тут, то там, вспыхивало зарево. Это гибли деревни и жившие в них люди... Они не успели ни укрыться, ни бежать. Да и бежать некуда... – голос Нежданы дрогнул. – Я мчалась, и рядом со мной на стремительном жеребце скакала моя сестра Дива. Богиня Охоты оборачивалась и на ходу стреляла назад калеными стрелами, туда, откуда несся вой. Дива не промахивалась.

Я видела, куда она бьет. Сзади клубилось густая и вязкая – будто грязь – черная туча. Она расширялась и все, чего касались ее клубы, обращалась в небытие... Подоспевшие боги пытались сдержать ее, но тщетно. Наверно, мы бы погибли – вернее нами овладел бы хаос – но тут в неурочное время бог Хорс озарил лучами землю! И все сразу стихло! Черная туча осела пылью. Сейчас там где она опала – ничего не растет. Там серая пустошь... И вот, зло утихло и на земле воцарилась тишина. Но какова оказалась эта земля! – горько воскликнула Неждана. – От некогда могучего леса мало что осталось... Деревья в нем оказались изуродованными безумной силой. Повсюду стояли лиловые скалы, занесенные сюда из какого-то иного мира. Люди и большая часть зверья погибли. Их поглотило зло. От леса осталась лишь небольшая зеленая частица вокруг этого озера... С той поры прошло немало лет, а в моей земле все осталось как после той ночи. Она не ожила. Вы видели хворый лес. Порой в нем появляются невиданные доселе твари. Порой по нему бродят слуги хаоса. Их вы тоже видели. И сама я могу появиться за границами зеленого пятно только в облике древней старухи. Вот так, в одночасье, пропал мой мир...

Неждана махнула рукой. Губы ее дрогнули и вендам показалось, что на глаза девушки навернулись слезы. Да это и понятно, ведь ее лес гиб, а она ничего не могла с этим поделать.

– Видимо, это началось с того, что в одном из миров на месте врат устроили людское жертвоприношение, – сказал Любомысл. – Из-за этого все и случилось.

– Видимо так, – кивнула Неждана.

– Все так и осталось после той ночи? – осторожно спросил Любомысл.

– Нет, это не все. Вскоре открылась ведущая в ваш мир Древняя Дорога. Она отворяется в те ночи, когда умирает луна и нарождается новый месяц. Туман – Радужный Путь – мне стал не подвластен. Закрывать путь в мой мир я не могу, в него может проникнуть любой. И так оно и есть. Порой приходят люди и сразу же идут в серую пустошь. Знают, куда! – Неждана блеснула глазами. – К меняющим очертания горам, за которыми находится болото! К вратам! Это слуги хаоса. Порой они возвращаются, но очень редко.

Любомысл задумчиво потер затылок.

– Скажи, а почему ты решила нам помочь? Ведь и мы могли оказаться слугами зла.

– Нет, Любомысл, не могли! – улыбнулась Неждана. – Вы люди. Я же слышала вас на вершине горы. Вы могли увидеть это озеро и без препятствий добраться до него. Вы могли пройти через лес. А у слуг хаоса, или тех, кто готов ему служить, это не получится. Увидеть озеро и зеленый лес они не смогут, как бы этого не хотели! Они бродят лишь по серой пустоши или по краю мертвого леса. Он, хоть и изуродованный, еще может сдерживать их. Но, – вздох-

нула Неждана, – наверно это продлится недолго. Боги не могут ничего сделать. Мое Беловодье гибнет...

Раздался грохот. Это вскочил на ноги Прозор. Вслед за предводителем поднялись и остальные. Последние слова Неждан привели вендов в неописуемый восторг.

– Что! Неждана! Повтори! – грохотал Прозор. – Что ты сказала? Беловодье?!

Неждана растеряно смотрела на взбудораженных вендов. Богиня не понимала, что с ними случилось. Сидели спокойно, разговаривали. И вот вдруг...

– Да, Беловодье, – кивнула девушка. – Разве я не говорила, как называется мой мир?

– Нет! – воскликнул Прозор. – Ты сразу не сказала, а мы потом не спросили! Поняли друзья, где мы! Мы в Беловодье!..

ГЛАВА 4. О найденных в Древней Башне черных листах

Да-а, вот так венды неожиданно узнали, что оказались в потаенной стране. В странемечте, в земле, куда каждый охотник мечтал попасть чуть ли не с рождения. О скрытом от внешнего мира Беловодье ходили предания, о нем сочиняли чарующие сказы. Но одно знали наверняка: в эту страну может попасть лишь тот, чья душа не отягощена грехами; тот, кто жил по правде.

И вот они в Беловодье! Но в каком! В поруганном, в обескровленном и в больном. И от великой земли, от бескрайнего леса осталась лишь малая часть, а всем остальным завладела неведомая злая сила. Безумие. Хаос...

Да-а, все, что сейчас слышали венды, казалось слишком неожиданным и страшным. Такого они не могли предположить, но это так: существует безумная злая сила, с которой не могут совладать боги. И в этой силе больше жути, чем можно себе представить. Ведь хозяйка сказочной страны сказала, что даже Чернобог – властитель пекла и повелитель мертвых грешников – и тот опасается попасть под власть хаоса. Что лучше он исчезнет, чем станет его слугой – еще одним безумным богом, бродящим в пустоте меж мирами.

И это пугало людей. Ведь страшнее пекла ничего нет! Про мир мертвых душ ходят страшные истории, и попасть туда никто не хочет.

Прозор вертел в руках расписную деревянную ложку. Отложил, и только было потянулся к чугунку, в котором осталось немного остывших щей, как Неждана его остановила:

– погоди, Прозор! Что же ты стылые-то хлебать будешь? Негоже так! – Богиня лукаво прищурилась: – Знала, голодные вы сюда приедете, потому и наварила их вдосталь. В печи еще один чугунок стоит, а в нем щи томятся. Там же и пирог – а то вижу, этот весь подъели. Кому щей? Кому каши и пирога?

– Ох, хозяйюшка! – прочувственно молвил Любомысл. – Уж так угодила, что слов нет! Неси все, что осталось. Подъедем! А поутру я кухарить буду. Я ведь тоже, по миру бродя, много-о-го чему научился. Но скажу так – лучше родной еды ничего нет! А нам, уставшим, да по лесу без горячего и жидкого бродя, угощение твое стократ вкуснее. Давай помогу на стол нести.

Любомысл встал, намериваясь помочь Неждане, но старика опередил княжич.

– Сиди, дядька. Я помогу, без тебя управимся!

Прозор, неприметно улыбаясь, смотрел, как мальчик помогает вытаскивать из печи тяжелый чугунок со щами, как бережно несет к столу уложенный на железном противне духовитый расстегай.

«Эх, хороший человек растет, простой и добрый, – думал Прозор. – И князь из него такой же выйдет...»

– Ну, ребята, давайте по второму разу ужинать, – сказал Любомысл и погрузил ложку в полную горячего варева миску. – Натрудились мы за эти дни.

– И натрудились, и правило надо помнить, – отхлебнув огненную жидкость, сказал Прозор.

– Какое? – полюбопытствовал княжич.

– Простое. Надо есть, ведь неизвестно когда в следующий раз придется поесть.

– Это ты сам придумал? – фыркнул Любомысл, но дальше подтрунивать над другом не стал, увлекся едой.

– Сам, – насупился Прозор. – А теперь едим молча. Думаем...

Когда наконец насытились, и на этот раз окончательно, Неждана стала убирать со стола. Милован, Борко и Добромил усердно ей помогали. Хоть молодцы, в отличие от княжича и не считали это мужским занятием, но надо хоть чем-то отблагодарить хозяйку. И не просто красивую девушку, а богиню!

– Где можно посуду мыть? – спросил Милован. – У озера? Я снесу. Правда в темноте особо не вымоешь. Ну, хоть ополоснуть, а утром до блеска натрем.

– А ты ее на крыльце сложи. Утром ее вымоют, – улыбнулась Неждана. – Есть еще те, кому это в радость, и кто хорошо это делает. И белье ваше постирают, и посуду помоют.

Прозора разбирало любопытство, кто же это так помогает? Но решил пока не спрашивать, Неждана сказала, что сам увидит.

Когда прибрали посуду, вновь собрались за столом. Дверь оставили открытой: печь хорошо прогрела горницу, в ней стояла духота, а после сытного ужина душа требовала прохлады. В дверном проеме искорками дрожали звезды. По темной воде озера пролегла широкая лунная дорожка.

Прозор положил на стол тяжелые ладони.

– Неждана. Мы с горы видели, что прошлой ночью далеко, на краю небес, чем-то синим полыхнуло. Похоже на отблеск молнии. Потом громыхнуло, но всего лишь единожды. Всполохи еще шли, но больше не грохотало. Я подумал – может там гроза идет? Тут грозы есть? Что это было?

– Там где полыхает, врата находятся. Там хаос бушует. Такое порой случается. Значит, еще какая-то его часть на волю вырвалась, – задумчиво ответила Неждана. – Плохо. Очень плохо. Надо ждать, что в пустыне, да и в лесу, опять появятся какие-нибудь твари. Он и так ими усеян. В некоторых местах не пройти...

– А что это за горы на краю небосвода? – спросил Любомысл. – Почему нам кажется, что они все время свои очертания меняют? Я в морях иногда такое видел. Но там морок быстро исчезает. А тут... Сколько на них не смотрели – не исчезли!

– Это не горы, Любомысл. Там нет гор. Там ничего нет. Хаос меняет и перекраивает под себя будущий мир. Там пустота и изменчивость. Это зло морок наводит. Этот морок прикрывает врата, которые открылись у камня.

Любомысл только и мог, что тяжело вздохнуть. Сейчас старый мореход мучительно размышлял, как помочь богине, как избавить Беловодье от губительной напасти. Ведь спасая эту страну, они помогут и своему лесу, и своей стране – Альтиде. Отведут беду от своего мира, да и от остальных – которых оказалось великое множество. Но ни решения, ни даже мысли – с чего начать, ему в голову не приходило. Молчали и его друзья.

– Неждана, – сказал Любомысл, – ты говоришь, что сюда приходят люди. Некоторые выходят обратно. Я не говорю о всадниках мрака и горящих призраках. Ясно, что эта нежить порождение хаоса. Я спрашиваю о тех, кто в людском обличье отсюда выбрался. Много их было? И когда это происходило?

– Радужный Путь открывается в ту ночь, когда луна полностью исчезает с неба и нарождается новый месяц, я это говорила. И еще четыре раза в год сюда тоже можно пройти. Зимой – когда наступает самый короткий день. Летом – в самую короткую ночь, и весной и осенью – когда день и ночь равны. Вы попали сюда в день весеннего равноденствия, к тому же луна умирала. Совсем закрыть Радужный Путь я не могу. И появляться у него мне нельзя...

– У нас наоборот – наступило полнолуние, – вставил Прозор. – Но видимо, в разных мирах светило по небу по-разному ходит. И когда в Беловодье вечер, в нашем лесу утро. Это странно...

– Да, это так, – кивнула Неждана. – Чтобы вам выйти отсюда, надо ждать нарождающегося месяца или летнего солнцеворота. Ведь вы вошли весной.

– Мы не пойдем, – громыхнул Прозор. – Нам бы Добромила отсюда вывести, а с ним Любомысла – будет княжича сопровождать. А потом вернемся.

– Я не пойду! Я тут останусь! – воскликнул мальчик. – Я помогать буду!

– Нет! – Прозор твердо хлопнул ладонью по столу. – Ты будущий князь, и ты нужен нашему лесу, нашей Альтиде. Когда пройдете Радужный Путь – сразу к волхву! Там, с той стороны тумана, древний колодец есть, – пояснил он Неждане. – Недалеко от него стоит изба волхва. Мы к нему ехали, нас друг – Велислав Старой – к нему послал. Велислав говорил, что важно, чтобы мы до волхва добрались. Да вот, не привелось, – усмехнулся богатырь, – к тебе, Неждана, попали.

– Не перечь, княжич, – видя, что лицо Добромила окаменело, ласково сказал Любомысл. – Прозор дело говорит. Тут мы мало чем поможем: я не воин, а ты еще мал. Вот только удумаем, как Беловодью помочь, и отправимся. Может сюда надо волхвов вести, они же люди – а не боги, значит могут ко злу приближаться...

Княжич понуро свесил голову и кивнул. Согласился, что старшие друзья правы.

– А что это за колодцы такие около Радужного Пути стоят? – любопытствовал Борко. – Вода в них чудесная! К чему они? И похожи, будто братья-близнецы. Травы по ручью, что из них изливается, растут. Цветы летние и осенние распускаются. Что это, Неждана? Ты знаешь?

– Знаю, – улынулась богиня. – В каждом мире такие колодцы есть. От них весна начинается и затем по миру идет. Колодцы поят землю водой, а по берегам ручья растения зацветают, которые летом и осенью пойдут. Боги это создали... Так вот, о людях, что заходили в Беловодье после того, как была повреждена печать. Сюда шли колдуны и маги. Они исчезали в серой пустоши и потом их я уже не видела. Видимо, они обращались во всадников мрака или горящих призраков. Хаос коварен, безумен и ему нужны слуги. Но два человека не раз проходили Радужный Путь. Первой была женщина. Сильная колдунья. Злая. Я чувствовала исходящую от нее ненависть. Впервые она появилась, наверное, столетие назад. Думаю, она нравилась мужчинам. Она цвела дикой, но враждебной красотой. Красивая была колдунья...

– Была? – спросил Прозор. – Она вышла отсюда? Хаос выпустил ее? Или забрал, как остальных?

По лицу Нежданы пробежала брезгливая усмешка.

– Выпустил. В первый раз колдунья вышла невредимой. Что ей дало зло из межмирья, я не знаю. Но видимо, эта женщина возжелала большего. Второй раз она явилась в Беловодье лет десять тому назад. Годы ее не изменили. Она осталась такой же молодой и красивой. Колдунья прошла в пустошь, там ее ждали всадники мрака на ящерах или по иному – на бескрылых птицах смерти. В пустыне она провела несколько недель и выходила из нее уже лишенная глаз. Так она расплатилась. Зло забрало ее глаза, и оставило вместо них незаживающие раны: из-под сжатых век капельками стекала кровь. Но все-таки, даже ослепнув, она каким-то образом находила обратный путь. Колдунья шла по пустоши, через лес и на гору будто зрячая. Он даже ни разу не споткнулась о корень, ни разу не наткнулась на ствол или камень.

По телу Любомысла пробежала озноб, старик содрогнулся. Старый мореход испугался: не за себя – за княжича Добромила. Лишится глаз за то, чтобы выйти обратно?

Неждана это заметила и поняла сомнения старика.

– Вам ничего не грозило, но об этом чуть позже. Кроме этой женщины в Беловодье заходит тот древний колдун полуденных стран, – значительно сказала Неждана. – Увы, я не могу с ним совладать. Моя сила ограничена зеленым лесом. За его пределами я могу стать рабой хаоса.

– Тот колдун?! – воскликнул Любомысл. – Что он здесь делает?

– Он вошел чуть больше тридцати лет назад. Не один, его сопровождал спутник: высокий рыжеволосый воин. Колдун называл его Торрвальд. Так же он звал его ярлом. Сам же колдун сменил личину, стал еще бледнее, еще больше походил на выходца из могилы и непрестанно

кутался в подбитый мехом росوماхи плащ – будто его снедает холод. Но его сущность я узнала сразу. Теперь колдун носил имя Эрлинг. Так называл его рыжеволосый ярл Торрвальд. Они прошли сквозь Радужный Путь. Но дальше не двинулись, остались стоять возле тумана. Колдун Эрлинг что-то показывал ярлу: он махал рукой вдаль, в серую пустошь. Торрвальд внимательно слушал, но на его лице я видела брезгливость. Видимо воину не нравилось то, что предлагал ему злой колдун. Не дослушав, ярл повернулся и прошел обратно сквозь сгущающийся туман. Колдун поспешил за ним.

– Тридцать лет... тридцать лет... – шептал Любомысл. – Тридцать лет тому назад викинги напали на Альтиду и завладели Триградом. И вел их ярл с далекого севера – Торрвальд Медноволосый. Его неразлучным спутником был бледный, истонченный колдун. Его звали Эрлинг!

– Они хотели отравить альтидцев страшным зельем, – мрачно добавил Прозор. – А начали с тогдашнего триградского воеводы Годослава. Прости, княжич, – заметив, как побледнел Добромил, осекся Прозор. – Знаем, кем приходится тебе воевода Годослав. Но ведь он искупил вину, он раскрыл коварные замыслы вестфолдингов.

В ответ Добромил лишь слабо кивнул. Воспоминание о деде разбередило душу мальчика. Хотя Велислав в Древней Башне перед расставанием сказал, что бывший воевода стократ помог Альтиде! Что не будь его, она была бы порабощена! Но откуда маленькому княжичу знать, что волхв Хранибор, к которому они так и не добрались, – это его родной дед – бывший воевода Годослав! И что десять лет назад он вновь спас Альтиду от вражеского нашествия: с его помощью Велислав повернул дикарей-бруктеров вспять.

– Думаю, захватить Альтиду придумал не Торрвальд Медноволосый, – сказал Любомысл. – Теперь уверен, что этот викинг всего лишь игрушка в руках колдуна Эрлинга. Но зачем ему надо было овладевать Триградом? Альтидой, наконец? Не понимаю!

– Эрлинг слуга хаоса, – сказала Неждана. – Видимо в вашей земле есть кто-то, или что-то, что может совладать со злом, даже если оно овладеет Беловодьем и прорвется сквозь Радужный Путь. Колдун знал – прежде чем хаос выйдет, необходимо захватить Альтиду и подчинить ее себе. Тогда колдун мог делать свое черное дело без помех. Но этого я точно не знаю, могу только догадываться.

– А еще викинги вели бруктеров десять лет назад, – вспомнил Прозор. – Дикарей тоже опоили страшным зельем. Тогда думали, что тут приложил руку Торрвальд Медноволосый. Оказывается вон оно что! За всем этим стоит древний колдун полных стран, которого зовут Эрлинг!

– Нет, Прозор, – возразила Неждана. – Сейчас его имя не Эрлинг. Я не досказала, как он заходил в мой мир в следующий раз.

– Рассказывай, Неждана! – кивнул Прозор. – Рассказывай, что еще умыслил этот злобный колдун.

– Последний раз этот колдун прошел сквозь Радужный Путь несколько дней назад...

– Постой, Неждана! – перебил Любомысл. – Ты говорила, что туман развеивается лишь несколько раз в году. И пройти сквозь него не может никто!

– Да, это так, – согласилась богиня. – Но ведь этот колдун слуга зла, раб хаоса. Ведь это он повредил печать Рода и раскрыл врата в межмирье. Видимо, колдун обладает могучей силой, которая позволяет проходить сквозь туман, когда он только пожелает.

Да, пожалуй все именно так, как говорит богиня. Колдун полуденных стран видимо и в самом деле умел это делать. Наверное, зло наградило его своей силой. Как совладать с таким могучим противником, не представлял даже многомудрый Любомысл. Богиня же продолжала:

– Колдун вошел в Беловодье несколько дней назад и в этот раз под другой личиной. Сейчас он принял облик сильного воина.

– Опиши его, богиня, – попросил Прозор. – Может, мы его знаем.

– Он на голову ниже тебя, но в плечах так же широк. Волосы его с проседью и упрятаны на затылке в кожаный мешочек, так иной раз делают моряки. Лицо в шрамах и на нем растет густая рыжая борода. Что еще? – вспоминала Неждана. – А-а... На нем одежда не такая как на вас. Кожаная безрукавка, проклепанная толстыми железными пластинами. Еще он носит за спиной секиру, а на поясе кривой, похожий на косу меч. В руках колдун держал самострел... Он разговаривал со своим спутником хриплым утробным голосом, я еще подумала, что какой-то неведомый зверь рычит...

– Так-так... – протянул Прозор. – Кажется, я знаю, о ком речь. А его спутник? Он каков? Неждана горько усмехнулась. Спутник колдуна ему подстать.

– У него выпученные глаза. Бешеные, лишённые разума! Казалось, он хочет пожрать все окружающее. Военское снаряжение не такое как у вас. Но это не главное. Я видела суть их душ. Спутник колдуна оказался все тот же ярл, которого вы назвали Торрвальдом Медноволосым. Только ярл этот уже в другой личине, и главное – он мертвяк... Видимо, колдун подчинил себе его душу и дал ей иное тело...

Прозор только крикнул. Описание колдуна точь-в-точь совпадало с обликом ненавистного ему человека. А мертвяка, который сбрасывал с безумных глаз медяки, он уже видел позавчерашним утром: тогда, когда возвратился в зимовье, в котором ночевал отряд викингов. О беспокойном мертвце он рассказывал спутникам.

– Витольд! – воскликнул Прозор. – Витольд! Никто иной! А с ним мертвец, которого я в зимовье нашел! Значит, колдун полуденных стран – это Эрлинг?! А колдун Эрлинг – это Витольд?! Ох, чуяло мое сердце, что с этим Витольдом надо ухо остро держать! То-то он ненавидит черных йоруба! Они же колдовскими навыками владеют и видимо видят его суть! Он их опасается и поэтому всегда на бой вызывает! Только из этого боя он один целым выходит... То-то я думаю, отчего он так кровь любит! Во-он, оно что!..

Да, как это не прискорбно, но оказалось, что древний колдун принял иную личину и оказался нанятым на службу виннетского князя.

Добромил положил руку на плечо Прозора.

– Вернемся – сквитаемся! – глухо, сквозь зубы, вымолвил мальчик. Дай срок!

Прозор кивнул. Сквитаемся! И ни какой договор с князем Молнезаром не спасет Витольда от расправы! О том, как он совладеет с сильным колдуном, богатырь пока не думал.

– Колдун и мертвый ярл прошли сквозь Радужный Путь, – напомнил Любомысл. – И что они делали, Неждана?

– Дальше колдун принялся искать гнездо змея. В хвором лесу завелись невиданные доселе твари. Среди них есть змеи, по бокам которых растет множество ног. Они порождения зла. – Неждана поморщилась. – Это безумие: змеи похожие на многоножек...

– Мы с ними сталкивались, – мрачно заметил Прозор. – В первый раз на Гнилой Топи. Через реку один такой махнул и башню кольцами обвил. Весь призрачный и стрелы сквозь него летят! Здоровенный! А второй раз уже в твоём лесу видели, когда болото объезжали. Несколько тварей, но небольшие: с первым не сравнить.. И еще один раз змей махонький попался. На конский волос похож. На жеребце княжича, в гриве сидел...

Прозор не договорил. Богатыря осенила какая-то догадка. Он сильно хлопнул себя по лбу.

– Говоришь, колдун гнездо змея искал? Нашел?

– Да, нашел, – ответила Неждана. – Взял из кладки одно яичко и потом они обратно ушли.

– Поняли теперь, кто на жеребца маленького змееныша посадил?! – Прозор рыкнул так, что дремавший кот Баюн вздрогнул, открыл глаза и с укORIZНОЙ посмотрел на венда: мол, что ж ты так орешь. А Прозор не унимался, рокотал: – Я говорил, что нечисто дело! Вот оно что! Но зачем? Чтобы Дичко сбесился?

Неждана тревожно спросила: – Расскажи, о каком змееныше ты говоришь!

И Прозор поведал богине, как они подъехали к Радужному Пути, как перед ними расступился туман и как жеребец княжича Добромил ни с того ни с сего сбесился и помчал мальчика по Древней Дороге в неведомый мир.

Когда стали выяснять, отчего это случилось, то нашли в белоснежной гриве коня черный волос, который на поверку оказался маленьким многоногим змеенышем. Этот змееныш исчез от прикосновения серебра, а они еще недоумевали, как он попал в гриву жеребца. Решили, что это случилось в ту ночь, когда из Гнилой Топи всякая нежить ползла. Правда, Прозор уже тогда сразу сказал, что видимо эту тварь подсадил на жеребца Витольд.

– Так оно и вышло! – заключил богатырь. – Его рук дело! Но зачем?

– Так-так, – протянула Неждана. – Скажу – зачем! Колдуну надо было маленького княжича в мой мир заманить!

– Зачем? – обеспокоился Любомысл.

– Добромил не простой мальчик, – торжественно изрекла богиня. – С ним связано одно предание. Не думала, что придется вам это говорить. Полагала, что Добромил уйдет из Беловодья, но видимо – сделать это сейчас ему не судьба. Теперь знаю – его нарочно сюда заманили и уже не выпустят!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.